

Мой чужой дом

Автор:

[Люси Кларк](#)

Мой чужой дом

Люси Кларк

Психологический триллер (АСТ)

Эль Филдинг всегда гордилась своим великолепным домом на вершине скалы над морем. И лишь однажды, отправляясь на двухнедельный семинар во Францию, решила последовать совету сестры – и сдала свое сокровище через сайт аренды жилья...

И вот вернувшись, Эль с ужасом понимает: в ее жилище что-то изменилось. А ее саму не покидает ощущение, будто кто-то за нею следит.

Возможно, это просто разыгравшееся писательское воображение Эль. Но фантазии не оставляют угрожающих посланий в укромных уголках дома. Фантазии не намекают, что знают секреты прошлого.

И постепенно дом Эль становится ее же тюрьмой, ключи от которой она сама вручила незнакомцам...

Люси Кларк

Мой чужой дом

Моим родителям Джейн и Тони

Пролог

Позвольте дать вам маленький, но крайне важный совет. Не каждому он пригодится, однако мне мое неведение дорого обошлось.

Суть его в следующем: если вы собрались впустить в дом чужого человека, не спешите. Подумайте хорошенько. Вручить ключи от собственного жилища незнакомцу! Представляете, чем это чревато?

Посторонний бродит по вашим комнатам, залезает в ваш комод, трогает одежду в вашем гардеробе; ваш шкафчик в ванной открыт, а его содержимое внимательно изучено.

Посторонний с любопытством рассматривает фотографии вашей семьи, развешанные на стенах, читает пометки в кухонном календаре, листает папку, спрятанную на дне сундука.

Посторонний валяется на вашей кровати, и матрас податливо принимает форму его теплого тела. На простынях остаются невидимые чешуйки кожи, на подушку оседает влага чужого дыхания.

Что расскажут вам о постороннем следы его пребывания?

Что сокровенного узнает посторонний о вас?

Глава 1

Эль

События первой главы романа должны, точно стрелка, указывать на происходящее в последней.

Писательница Эль Филдинг

Сбросив скорость, я аккуратно вписываюсь в поворот узкой, убегаящей наверх дороги; машину подбрасывает на ухабах, из-под колес брызгами разлетается гравий.

На протяжении всего подъема я тяну шею, высматривая за зелеными кустами проблеск моря, пока наконец не различаю в гаснущем свете дня белоснежные барашки вспененных бризом волн. Меня чуть отпускает.

Я выключаю радио – голос ведущего разрушит волшебство мгновения, которого я так жду всю дорогу от Лондона до Корнуолла.

Еще поворот – и вот она, награда за долгий путь: дом на вершине скалы.

Я торможу на подъездной дорожке, выключаю зажигание, однако выходить не тороплюсь. Тихо постукивает мотор.

Неужели я здесь живу? До сих пор не верится...

На первой встрече с архитектором я даже не представляла, чего хочу, – назвала лишь количество комнат и попросила устроить кабинет, где можно писать. Спустя несколько месяцев из разрозненных идей начала складываться цельная картина – и получилось то, что получилось: серо-голубой трехэтажный дом с большими деревянными окнами, высящийся над бурливой, шумной бухтой. «Современный прибрежный стиль» – так определил его архитектор. Деревянная отделка потихоньку тускнеет, теряя глянцевую новизну, окна как будто подбелены солью, и мне это безумно нравится! Неплохо бы немного смягчить внешний облик. Например, глицинией. Ее ветви красиво оплетут крыльцо... если она, конечно, выживет под такими ветрами.

У меня никогда не было собственного дома или квартиры, мама растила нас с сестрой в съемном жилье. Выражения «своя недвижимость» и «взять ипотеку» в нашем словаре не водились.

Я выхожу из машины. Порыв морского бриза широко распахивает дверцу автомобиля, вздымает волной мою юбку и закручивает ее вокруг бедер.

Усыпанная хрустящим гравием дорожка ведет к каменному крыльцу. С немалым трудом я затаскиваю по ступеням чемодан и принимаюсь искать в недрах сумки ключ. Чего тут только нет! Кошелек, телефон, ручки, книга... И блокнот, мой неизменный спутник.

Я вставляю ключ в замочную скважину, но не спешу его поворачивать.

Неуютно все-таки возвращаться в дом, где обитали посторонние. За две недели пребывания во Франции я сто раз пожалела, что выставила его на сайте аренды жилья, и в приступе острого беспокойства дважды вскарабкивалась на террасу на крыше фермерского дома в поисках сигнала мобильной сети. Слава богу, ни от постояльцев, ни от сестры призывов о помощи не было.

Я нерешительно топчусь на крыльце. А вдруг семья арендаторов еще не съехала? Какой ужас. Стоит сейчас в моей кухне красивая женщина с дорогой укладкой на голове, как на фото в профиле, и бледными руками полощет под струей воды детскую бутылочку. За ее спиной на высоком стульчике ест клубнику малыш, заталкивая ягоды в рот пухлыми ладошками. У барной стойки отец – протягивает девочке лет трех-четырёх мою керамическую тарелку с нарезанными соломкой тостами, и та аккуратно пересчитывает ломтики пальцем.

Играет музыка. Смех, разговоры. Родители то и дело обходят игрушечную машинку на полу. Весь дом наполнен веселым шумом, движением и энергетикой этой семьи...

На душе становится тоскливо: семья здесь должна быть моя.

Толчком открываю входную дверь. В нос ударяет непонятный чужой запах – запах сырости, земли и непроветренной после готовки кухни.

С жутким лязгом захлопывается за спиной дверная створка – ветер.

Воцаряется тишина.

Позвать некого. Встретить некому.

Бросаю сумку на резную дубовую скамью рядом со стопкой аккуратно сложенной корреспонденции. Глянув мельком на лежащие сверху счета, торопливо снимаю туфли и спешу босиком на кухню.

За окнами густо синеют небо и море. Изумительный цвет, даже в сумерках! Над пенящимися волнами беспечно кружат две чайки. Вот почему я влюбилась в этот дом – некогда ветхий рыбацкий коттедж, не знавший ремонта годов с шестидесятых.

Кто-то писал, что красота моря постоянно меняется, каждый день пейзаж великолепен по-новому. Утверждение, на первый взгляд, пафосное, но в нем истинная правда.

С трудом оторвавшись от вида воды, я осматриваю кухню. На длинной гранитной столешнице безупречная чистота и пустота. Из-под края керамического горшка с базиликом торчит записка. Почерк сестры.

Добро пожаловать домой! С арендой все прошло отлично. Когда придешь в себя, забегай на бокал вина. Фиона.

Как же я по ней скучала! И по Дрейку. Навещу их завтра. Погуляем по пляжу. Или пообедаем в баре с игровой площадкой – Дрейку на месте не сидится.

А пока поваляюсь с книгой в ванне, на большее меня не хватит.

Я достаю из глубины шкафчика бокал, однако сполоснуть под краном не успеваю: что-то щекочет мне пальцы. Паук! Бокал вдребезги разбивается о мойку. Быстро перебирая толстыми лапками, насекомое устремляется из-под осколков в слив и там замирает.

Фу, гадость! До чего же противно пауки дергают сочленениями ножек! Надо его выкинуть. С тяжелым вздохом покоряюсь неизбежному – ловлю насекомое в стакан и несусь к выходу.

Каменные ступеньки леденят босые ноги. Ежась от холода, я иду по гравию к дальнему краю подъездной дорожки. Больше этот проказник ко мне не заползет! Я ставлю стакан на землю, легонько толкаю его ногой и отпрыгиваю.

Сперва паук не двигается с места, а затем в панике удирает на черных лапках прочь.

Можно возвращаться. В тот же миг, прямо у меня на глазах, ветер с шумом захлопывает входную дверь.

– Только не это!

Я мчусь к дому, яростно дергаю ручку. Тщетно. В отчаянии хлопаю по двери ладонями. Зла на себя не хватает!

Сумка на диване, ключи и мобильный телефон в сумке, куртка на вешалке...

Дура!

Конечно, запасной ключ есть у Фионы, только до нее добрых полчаса ходьбы. А на улице ноябрь, без пальто и обуви далеко не уйдешь – околеешь по дороге.

Я с тоской поворачиваюсь к бунгалу, уютящемуся за моим домом. Других домов на вершине скалы нет. Там уже лет тридцать живет чета пенсионеров, Фрэнк и Энид.

Помню, как впервые пришла к ним за руку с Флинном. Какое приятное возбуждение меня тогда переполняло. Мы – домовладельцы! Ходим в гости к соседям! Это так невероятно по-взрослому. Будто участвуешь в спектакле. Фрэнк встретил нас не очень дружелюбно, поглядывал исподлобья, точно ожидая подвоха. А Энид переживала, крепок ли чай, да извинялась за немытую после завтрака посуду. К счастью, Флинн всегда умел найти к людям подход и расположить их, так что прощались мы уже на дружеской ноте.

Теперь мы друг друга не навещаем. Уже несколько месяцев. И если встречаемся на узкой дороге, Фрэнк не уступает – сдаю назад я, а когда, например, выношу мусор, демонстративно отворачивается.

Исполненная самых недобрых предчувствий, я плетусь к соседскому бунгалу. Как же попросить их о помощи?

Я собираю рукой развевающиеся на ветру длинные волосы и тянусь к звонку, но позвонить не успеваю – дверь неожиданно распахивается. На порог выходит парень, натягивая на ходу черную кожаную куртку.

При виде меня он замирает и вопросительно смотрит в глаза.

– Ой... Здравствуйте... – растерянно говорю я. – Меня зовут Эль. Я ваша соседка.

Пристальный взгляд под густой темной челкой устремляется в сторону моего дома. Выражение лица становится суровым. Парень на несколько лет младше меня – наверное, ему около тридцати, – вокруг глаз с тяжелыми веками первые тонкие морщинки, на подбородке легкая небритость.

– Писательница? – роняет он таким тоном, будто это оскорбление.

– Верно. А вы, должно быть, сын Фрэнка и Энид?

– Марк.

Угадала. Когда мы еще дружили, Энид между делом обмолвилась, что их сын уехал из Корнуолла, потому что работает в другом регионе. Подробности я не помню.

– Марк, тут такое дело... Ко мне заполз паук... В общем, пока я его выбрасывала на улицу, поднялся ветер и дверь захлопнулась. А ключи с телефоном в доме. Дурацкая ситуация...

Скептический взгляд скользит сверху вниз по моему светло-голубому сарафану, загорелым коленям – и упирается в жмущиеся друг к другу босые ноги с перламутровыми ногтями. Я уже готова пуститься в оправдания: «Обычно я так в ноябре не одеваюсь, просто я только что из аэропорта...»

– Туфли... – вдруг произносит он.

Причем здесь туфли?

– Туфли тоже остались в доме?

– А! Да. В доме. – Я обхватываю себя руками. – Можно позвонить от вас сестре? У нее есть запасной ключ.

Марк неохотно отодвигается в сторону, придерживая открытую дверь. Я ныряю в узкий коридорчик.

Внутри сильно пахнет жареным луком и едким табаком. Сколько теплых воспоминаний связано с этим местом!

– А Энид и Фрэнк дома?

– Нет.

Марк с тяжелым буханьем закрывает дверь и, загородив ее спиной, продолжает стоять на пороге.

Мне становится не по себе. Как учили в университете, всегда запоминайте, где выход, чтобы быстро выбраться из комнаты или здания. Похоже, старые привычки неискоренимы. Замок цилиндрический. Ключа с внутренней стороны нет.

– Значит, вы в гости? Надолго? На несколько дней? Вы ведь в городе живете? – спрашиваю я, пытаюсь дружелюбной интонацией придушить проклевывающийся росток страха. – Чем занимаетесь? Ваша мама, кажется, говорила что-то о компьютерах. Или я уже выдумываю...

– И зачем вы выдумываете?

Я ежусь под его пристальным взглядом. А мне ведь тридцать три года. И мне плевать, нравлюсь я ему или нет. Мне просто нужен стационарный телефон.

Вот он, на старомодном телефонном столике, под зеркалом в медной раме.

– Можно?

– Телефон не работает.

– А мобильник у вас есть?

Помедлив, Марк достает из кармана мобильный телефон, набирает пароль и протягивает мне. Когда я пытаюсь его взять, возникает странная заминка, как будто Марку не хочется отдавать свой гаджет.

Какой же у Фионы номер? Даже не поднимая глаз, я чувствую на себе внимательный взгляд.

– Не могу вспомнить номер. – К щекам приливает кровь. – Когда-то я знала все номера наизусть, а теперь мы их просто храним в смартфонах, да?

В ответ ни слова.

Я откашливаюсь. Набираю код зоны – и в памяти чудом всплывают остальные цифры. Какое счастье! Я подношу телефон к уху. Гудки. Только бы Фиона взяла трубку!

Посмотрев на часы, Марк тяжело опирается на дверь, так что слышен тихий скрип кожаной куртки.

– Алло, – шепчет сестра.

Видимо, рядом спит Дрейк.

– Слава богу, ответила! Я звоню с чужого телефона. Слушай, у меня захлопнулась дверь. У тебя же есть запасной ключ? Ты вообще дома?

– Дома. И ключ запасной есть.

– Можешь подъехать? Или ты уложила Дрейка? Тогда я сама подъеду, на такси.

– Все хорошо, я приеду – Билл подежурит. Как раз сбегу на время купания.

– Отлично! Отлично! – радуюсь я. – Спасибо огромное.

– А чей это номер?

– Позже объясню.

Представляю, с каким выражением лица Фиона сообщает Биллу, что ей надо срочно ехать спасать сестру. В очередной раз. Уж она никогда не прыгала бы под запертой дверью собственного дома. У нее наверняка все продумано: либо второй ключ тщательно запрятан снаружи, либо целая гроздь запасных ключей роздана соседям.

Я возвращаю телефон Марку.

– Сестра выехала. Будет минут через десять.

Снова повисает молчание.

– Я опаздываю, – наконец говорит он.

– Вы... хотите, чтобы я ждала на улице?

Вместо ответа он заглядывает в шкаф под лестницей и, порывшись внутри, разворачивается ко мне с бордовой женской толстовкой.

И открывает входную дверь. Стоит ли говорить, что обувь мне не предложили. Бетонное крыльцо холодное как лед, сумерки превратились в непроглядную ночь.

Я просовываю руки в рукава толстовки, в ноздри бьет несвежий лавандовый запах.

– Я верну ее, чуть позже.

Марк, равнодушно пожав плечами, выходит следом и запирает замок.

Заметив черный мотоцикл, припаркованный на самой границе участка, я чуть не прыскаю со смеху. Ну конечно, на чем же ему еще ездить, как не на мотоцикле!

Марк натягивает шлем, седлает железного коня и поддает газу.

На пути к дому темноту внезапно рассеивает огонек сенсорного фонаря. Какое счастье! Я усаживаюсь на порог, холод камня пробирает до костей.

- Пожалуйста, поскорее... - бормочу я под нос.

Так и вижу, как прямая, точно гвоздь, Фиона крутит руль, неукоснительно соблюдая скоростные ограничения.

Втянув голову в плечи, я еще плотнее закутываю толстовку.

Надо мной нависает призрачная громада пустого дома. Может, он меня наказывает за то, что я его бросила? Как собака, которая не подходит к вернувшимся хозяевам потому, что они посадили ее на цепь.

Сенсорный фонарь гаснет. Дрожать мне теперь в полной темноте.

Ранее

К вершине скалы, прорезая заросли высокого кустарника, тянется однополосная дорога.

- Это в самом конце, - поясняет таксист.

Подъездная дорожка посыпана серо-белым гравием - разумеется, для того, чтобы подчеркнуть красоту цвета стен и обшивки из натурального дерева.

Дом величественно возвышается на самой верхней точке. Фасад со стороны моря, подпертый вбитыми в скалу металлическими стойками, будто парит в воздухе. Свежая теплая гамма постройки контрастирует с мрачными переливами щербатых камней у подножия - завораживающее сочетание. Истинный шедевр архитектурного искусства!

- Славное местечко! - замечает водитель, тормозя на хрустящем гравии.

– Славное, – подтверждаю я с невольной улыбкой.

При оплате такси я накидываю щедрые чаевые.

И вот мой портплед на каменных ступенях у входной двери. Когда такси, развернувшись, исчезает в зеленом туннеле кустов, я спешу в конец участка, где, как обещалось в электронном послании, за аккуратным заборчиком стоят передвижные мусорные контейнеры.

Я откатываю зеленый контейнер с клацающими внутри бутылками в сторону и осторожно поднимаю лежащий под ним серый булыжник. Так в детстве затаив дыхание переворачиваешь камень в надежде хоть мельком увидеть мокрицу или жучка.

Вот он, ключ от дома!

Я возвращаю мусорный контейнер на место и направляюсь через дорогу обратно к крыльцу. Тяжелая деревянная дверь выкрашена в серо-зеленый цвет – точь-в-точь цвет моря. Я трогаю гладкую поверхность кончиками пальцев, но открывать не спешу, смакуя значимость происходящего. От волнения сердце едва не выпрыгивает из груди.

Никто не подсматривает? Я оглядываюсь через плечо и, немного успокоившись, вставляю ключ в замок.

Глава 2

Эль

– Слава богу, ты была дома! – Я подливаю Фионе в бокал вина и откидываюсь на мягкую спинку дивана.

– А если бы не была?

- Еще один ключ есть у Флинна.

- До сих пор не вернул? - удивляется сестра.

Я пожимаю плечами.

- По-моему, как-то невежливо требовать у него ключ.

Фиона молчит. Ей обычно и не требуется ничего говорить - достаточно красноречиво изогнуть темные брови.

- Как Дрейк погостил у родителей Билла? - спрашиваю я. - Так скучала по нему! Может, он навестит меня на выходных? Я привезла ему подарочек.

- Пора вводить запрет на прием подарков. Родители Билла разрешали ему по два часа смотреть мультфильмы и каждый день кормили мороженым. - И со смехом добавляет: - Еще немного, и он попросил бы их его усыновить!

- Представляю, как ты по нему скучала!

- Шутишь? - фыркает сестра. - Во-первых, я всласть высыпалась. Во-вторых, даже не подходила к плите. Столько дел переделала, сколько за год не успевала! Я уже поинтересовалась у родителей Билла, нельзя ли сделать это ежегодной традицией.

- Правда? - Теперь я удивленно приподнимаю брови.

В свои два с небольшим Дрейк впервые ночевал в чужом доме. Несколько месяцев, пустив в ход всю дипломатию, Билл вел переговоры с родителями по поводу его недельного пребывания в Норфолке.

- Лучше расскажи о себе! - переводит тему Фиона. - Понравилось во Франции?

- О-очень!

Во Францию меня пригласили на литературный семинар гостевым лектором. Я долго сомневалась, ехать или нет: надо мной дамокловым мечом висел срок сдачи книги, – но гонорар оказался так высок, что отказываться было глупо.

– Нас поселили где-то в сельской местности, на ферме, в изумительном старом домике. Каждое утро у меня начиналось с заплыва в красивом бассейне.

– Ты и так худая, а приехала еще худее – значит, ела мало сыра.

– Я ела сыр на завтрак! – протестую я.

– Умница! – хвалит меня сестра, отпивая вино. – А как тебе другие участники семинара? Что за люди?

– Интересные... Умные... Обожают книги. Не обошлось, конечно, без парочки зануд. Помешаны на подсчете слов. И к десяти вечера спят беспробудным сном. – Я делаю паузу. – Тебе бы понравились.

Фиона громко, безудержно хохочет. Обожаю ее смех!

– Наверняка. А они редактируют тексты под душем?

Во время вступительных экзаменов сестра упаковывала конспекты в пластиковые файлы, чтобы не отрываться от учебы даже в ванной. Она всегда была такой – энергичной и сосредоточенной.

– Чего не видела, того не видела, – хмыкаю я.

– А как... – Фиона запинается, – ...как движется твоя работа?

Я гляжу в окно, в темном стекле золотится отражение света лампы. От одной мысли о втором романе меня начинает подташнивать.

– Продолжаю бродить в дебрях... – расплывчато отвечаю я.

– К сроку сдачи успеешь?

Я дергаю плечами.

– Еще шесть недель.

Фиона пристально изучает мое лицо.

– А если не успеешь?

– Тогда я теряю контракт на книгу.

И дом, добавляю я мысленно. В грудной клетке сразу расправляет крылья паника. Нет уж, этого допустить нельзя!

Фиона знает, сколько души я вложила в свой дом, как долго согласовывала чертежи и планировки. Строители месяцами ползали по лесам, поднимали кранами огромные стеклопанели, грызли бурами камень, устанавливая неподдающиеся железные стойки. А мебель и оборудование для ванной? А половые настилы и каталоги красок? Сколько часов потрачено на их изучение!

Обычно подобная одержимость мне не свойственна: имущество, нажитое мною за последние десять лет, уместилось бы в рюкзак и чуть-чуть сверху. Но дом мне хотелось больше всего на свете! В Корнуолле жила Фиона, да и мать всегда мечтала о «домике на берегу моря». Он олицетворял стабильность, крепкие корни.

Стройка шла полным ходом, и однажды вечером, когда я вернулась в бристольскую съемную квартиру, Флинн, не отводя взгляда от танцующего в камине пламени, сказал:

– Ты не слишком усердствуешь с этим домом?

«С этим домом». Он никогда не называл его нашим.

К несчастью, тогда такие мелочи ускользали от моего внимания.

– Хочу, чтобы все было безупречно, – ответила я. – Чтобы мы прожили в нем всю жизнь.

- Спасибо, что присмотрела за домом на время моего отъезда, - поблагодарила я сестру. - Порядок идеальнейший!

- Не ожидала? - Фиона улыбается.

- Не ожидала.

- Да мне и делать ничего не пришлось. Гости ни пятнышка не оставили.

- Правда? Я во Франции чуть с ума не сошла от беспокойства. Странно осознавать, что в доме хозяйничаю не я, а кто-то другой.

- Я так и думала.

Сдать дом в аренду предложил Билл.

«Знаешь, когда с деньгами туго, - произнес он вдруг в разгар вечернего барбекю у моря, - можно рассмотреть варианты со сдачей дома в аренду. На лето. Почему бы не вывесить объявление на сайте недвижимости?»

«Помнишь мою университетскую подругу Кирсти? - спросила Фиона и по выражению моего лица поняла, что нет. - Учительницу английского? Которая занималась сексом с директором школы прямо в его кабинете, и их застукали родители ученика».

«Ах, э-эта Кирсти!»

«У нее дом с тремя спальнями. В Туикенеме. На время школьных каникул она куда-нибудь уезжает, а дом сдает в аренду. За неделю две тысячи».

«Две тысячи? - Я наклонилась к Дрейку, чтобы рассмотреть протянутую мне ракушку. - Спасибо, солнышко, очень красиво!»

Я чмокнула гладкий лобик, сжала подарок в кулаке, и малыш убежал искать новые сокровища.

«Все так делают, – продолжил Билл. – Неплохой источник дохода».

«Да, но ведь это Эль! – Сестра бросила на меня выразительный взгляд. – Она правильные ручки три дня к дверям примеряла».

«Я разберусь», – мои губы скривились в усмешке.

«Не дави, Билл. Сам ведь знаешь, кому придется за всем присматривать, когда она улетит на очередной книжный симпозиум, а киношники-арендаторы затеют в доме порносъемку...»

«О господи, только не это», – меня разобрал смех.

«Ерунда, вызовем службу по уборке помещений», – ответил Билл.

«Кирсти запирает все ценности на ключ в кабинете. Проще простого! – Фиона начала жевать листик мяты из бокала с фруктовым коктейлем. – Помнишь, где мы с Биллом останавливались во время поездки в Пембрукшир? Тоже сняли через Интернет на сайте аренды. Хозяева ничего не убрали. Шкафы просто ломились от женской одежды. Думаю, хозяйка была танцовщицей».

«Так ты мерила платья в стразах и пайетках? Признавайся!»

«Да у нее размер больше, чем у Билла!» – фыркнула сестра.

«А мне нравится балетное трико, – отозвался Билл, любовно похлопывая свой живот. – Нет, серьезно, на твоём доме можно озолотиться! Подумай хорошенько».

И я подумала. Особенно когда с ужасом тарасилась на окончательный счет от строительной бригады и забивала дрожащими пальцами цифры в калькулятор. Чтобы расплатиться, пришлось перезаложить дом, о чем Фиона с Биллом не знали. И до сих пор не знают.

Так что первый опыт сдачи в аренду – просто разведка, пробный шар. Ведь пока у меня все лето хозяйничают посторонние, я должна убраться куда подальше.

Две мои лучшие подруги разбросаны по миру: Надя преподает английский в Дубае, а Сэди живет с семьей мужа на ферме в Тасмании.

- Что за семья снимала дом? – повернувшись к Фионе, интересуюсь я.

- Да замечательная семья, – рассеянно отвечает сестра, пристраивая на журнальный столик бокал с вином.

- Они тебе понравились?

- Мы мало общались.

В ее голосе сквозит подозрительное напряжение.

- Все прошло нормально? – уточняю я.

- Нормальнее не бывает. В доме ничего не сломано. Депозит я разблокировала. Единственное, они забыли пару вещей – так, ерунда.

Фиона встает с дивана. Как она похудела! Мы всегда отличались хрупким телосложением, однако сейчас ее плечи кажутся угловатыми, а в открытом вырезе рубашки видны острые ключицы.

Сестра вынимает из недр буфета баночку с кремом от потницы и изрядно пожеванного пластикового жирафа.

- Все, что я нашла после их отъезда, – говорит она, сжимая жирафа, пока тот не издает жалобный писк.

На меня вдруг накатывает грусть.

- Постельное белье выстирано! В горячей воде, – подмигнув, добавляет она. – А детский стульчик Дрейка я забрала домой.

- Ой, точно! Спасибо, что одолжила.

– Я завезла его вечером, накануне их приезда. Кстати, чуть инфаркт не заработала, когда загудела сигнализация. Ты меня предупредила, а я забыла.

– Получилось отключить?

– С шестой попытки. Чуть не оглохла от воя. Ну ладно... – Фиона идет к выходу. – Мне пора. Я обещала Биллу вернуться через полчаса.

– Извини, что пришлось тебя похитить.

– Ничего страшного, они там вдвоем с телевизором. Сама знаешь, третий лишний.

Я встаю и целую сестру на прощание в щеку.

Дверь за Фионой заперта. Я иду на кухню, включая по пути все светильники и радио.

Где моя сумка? Выкладываю из нее блокнот, рядом пристраиваю карандаш, отступаю на шаг назад и щелкаю композицию на телефон. Снимок улетает в «Фейсбук». И подпись:

Снова дома! Две недели лекций на интереснейшем литературном семинаре позади. БЕЗУМНО рада окунуться в свой роман! Финал близок! #творю #жизньписателя

Я убираю реквизит и заглядываю в холодильник. Что тут у нас? Может, Фиона припасла для меня пинту молока и немного хлеба? Увы, пусто.

Поездку на машине в магазин я даже не рассматриваю – слишком устала. А если поискать в кладовой? Там обнаруживается киноа. Вместе с кунжутной пастой и лимонным соком неплохой ужин! Ем стоя, параллельно проверяя почту.

Счета, счета... Взгляд трусливо обходит большую печать, пересекающую квитанцию по электричеству: «ПОСЛЕДНЕЕ НАПОМИНАНИЕ». Под счетами две посылки от агента с сигнальными экземплярами книг других авторов. Дальше просьбы о благотворительном пожертвовании, два переправленных издательством письма от поклонников моего творчества, приглашение на день рождения к другу. Почти в самом низу стопки натыкаюсь на толстый кремовый конверт, украшенный золотой эмблемой. От адвоката Флинна.

Флинн... Во Франции мне часто вспоминалось наше первое совместное путешествие. Когда нам было лет по двадцать пять, мы отплыли на пароме в Бильбао, а оттуда поехали на север, в Сорт-Осгор, на выдавшем виды «Сеате» Флинна. На крыше автомобиля лежала привязанная ремнями доска для серфинга, в багажнике – палатка. В маленьком уютном лагере на двоих под тенью густых сосен мы ели лапшу, теплые французские багеты, пили дешевое пиво из пузатых бутылочек и вино из пакетов. Вечерами играли в карты или же просто валялись, держась за руки, в распахнутой палатке, блестящие от соли и солнцезащитного крема.

Тогда Флинн рассказывал, куда ему хотелось бы съездить, а я согласно кивала, мечтая убежать куда угодно, лишь бы не сидеть дома. С Флинном мне казалось, что жизнь только начинается, что прежние события происходили с кем-то другим и этот неведомый человек благополучно остался в университетском кампусе, в городке, куда я никогда не вернусь.

Я выскребаю недоеденное киноа в мусорное ведро, подхватываю чемодан, поднимаюсь в спальню, включаю свет и с порога внимательно изучаю кровать.

Конечно, Фиона ее застелила... но это только полдела. Подушки не взбиты. Мягкое оливковое покрывало натянуто по всей поверхности, а не сложено как надо, в ногах. Мелочи, свидетельствующие о том, что последним здесь спал посторонний. Посторонняя женщина и ее муж. Не я.

Я ставлю чемодан на пол и обхожу комнату, придирчиво рассматривая безупречно чистые поверхности. Откатываю в сторону дверцу гардероба: одежда висит где положено, в одной секции; секция, оставленная для гостей, пуста. Выдвижной ящик прикроватной тумбы тоже пуст. Нет, ошибочка! У задней стенки стоит маленький флакон с воском для укладки мужских волос. Откручиваю крышку – воска осталось на донышке. Флакон летит в мусорную корзину.

Наконец можно заняться косметичкой. Я направляюсь к большому напольному зеркалу в изножье кровати и, смочив ватный диск очищающим лосьоном, легким движением протираю лицо. Во Франции я немного загорела, осветленные солнцем волосы отливают теплой карамелью.

Я наклоняюсь ближе к своему отражению и вдруг замечаю... отпечатки пальцев. Не мои. Крупнее. А если еще ближе? Да, к зеркалу прижали целую ладонь, на стекле осталась грязь.

От вида отражающейся позади пустой комнаты по спине бегут мурашки. В спальне обитал кто-то, помимо меня. Жил в моем доме. Здесь стояла женщина-арендатор по имени Джоанна, а зеркало запечатлевало ее образ. Ощущение, будто взгляд постороннего так тут и остался – наблюдать за мной.

Делаю шаг назад, и мою пятку пронзает жгучая боль.

Я испуганно хватаюсь за стену, чтобы не упасть, и, подняв ногу, разворачиваю ступню. В центре пятки глубокий прокол, из которого появляется бусинка крови. Черт, на что же я наступила? Я опускаюсь на колени и шарю ладонями по ковру, пока не царапаюсь о колючий шип.

Это острый, как нож, осколок стекла. Я осторожно вытягиваю его пальцами из глубокого ворса ковра. Голубая льдинка красиво мерцает в свете люстры, и в ее переливах мне мерещится что-то смутно знакомое.

Неужели разбили какую-то из моих вещей? На ум ничего не приходит, ничего похожего в спальне нет. На прикроватной тумбочке всегда пусто. Есть трехногий торшер с абажуром, кувшин для полива цветов, три книги в переплете... Флакончики духов вместе с другими бьющимися предметами и ценными вещами я закрыла на ключ в кабинете. Откуда же взялся смертоносный стеклянный кинжал? Неразрешимость загадки выбивает меня из колеи.

Я заворачиваю осколок в салфетку и выбрасываю в мусорную корзину. Боже, мой ковер! На кремовом ворсе багровеют пятна крови.

Ранее

Аромат дуба, жасмина и чего-то цитрусового... Это первое, что я ощущаю, переступая порог. Воздух чистый, свежий, сухой, в нем нет запахов кухни или затхлой влаги, какая бывает от сохнувших на радиаторах вещей. Словом, не такой, как в моем доме.

- Привет! - не удержавшись от искушения, громко восклицаю я.

Ответа, разумеется, нет. Губы расплзаются в улыбке. Тишина, смягченная отдаленным рокотом моря, поистине прекрасна.

Мой черный портплед плохо сочетается с массивными дубовыми досками пола. Я небрежно сбрасываю туфли и оставляю их как есть. В отличие от моих твои аккуратно стоят под дубовой резной скамьей.

Из прихожей я направляюсь напрямик в роскошную огромную кухню. Стены, выкрашенные в теплый оттенок белого, будто наполняют комнату воздухом - краска, похоже, со светорассеивающими частицами. Разбавляют белизну акценты пастельных тонов: крашеные деревянные шкафчики, со вкусом подобранная картина и аккуратно расставленные керамические горшочки.

Тщательно выверенный, умиротворяющий стиль. Словно взяли за основу палитры выбеленную морскими волнами пляжную гальку. Красивый стол в деревенском стиле, с потертостями и древесными кольцами, составляет прекрасную партию современным глянцевым шкафам без ручек и гранитной столешнице. У стены длинная скамья с россыпью подушек из мешковины. Столовая просто создана для большой семьи и званых ужинов. Не для одного человека.

Я улыбаюсь при виде детского стульчика, установленного по заказу в конце стола, - хотя он, разумеется, не пригодится. Кухонный стол украшает старый горшочек для меда с букетиком полевых цветов, перевязанных коричневой бечевкой. К нему приставлена подписанная от руки карточка: «Джоанне и ее семье».

Хорошо продуманный элемент оформления.

Я беру карточку, провожу пальцем по изящно выведенной надписи и, не открывая, ставлю на место.

В старинном буфете зеленовато-голубого цвета на аккуратных железных крючках висят фаянсовые кружки. Горшочки в зеленую крапинку искусно разбавлены стеклянными банками с орешками, бобами, симпатичными спиральками и лентами макарон. Я медленно выдвигаю ящик. Странное ощущение – мне вдруг кажется, что его сейчас по-хозяйски захлопнет чья-то рука, прищепив мои пальцы. Как излишне любопытному ребенку.

Чувствую себя взломщиком, пробравшимся в чужой дом. Однако карман на бедре оттягивает маленький тяжелый ключ от входной двери.

Нет, я не взломщик – меня впустила ты.

Глава 3

Эль

Если задумываешь подбросить в сюжет бомбу замедленного действия, подожги фитиль в самом начале – пусть читатель слышит ее тиканье.

Писательница Эль Филдинг

Угольно-черная темнота. Три часа ночи. Я лежу с открытыми глазами, на пятке ноет – даже пульсирует – порез.

За долгие годы я испытала на себе уйму советов и уловок, чтобы ослабить безжалостную хватку бессонницы: принимала лавандовую ванну, слушала аудиокниги, вешала светоизолирующие шторы, пила перед сном кружку теплого молока, не сидела по вечерам за компьютером, не употребляла сахар после ужина, принимала снотворное и гомеопатические средства, ходила на акупунктуру. Чертово приложение по медитации, которому я сперва так обрадовалась, в конце концов тоже перестало помогать. Я перепробовала абсолютно все!

Люди не понимают: проблема не в засыпании – проблема в том, чтобы не просыпаться всю ночь.

Если бы в голове стоял тумблер, который можно отключить или хотя бы уменьшить громкость! Нет же: чем глубже ночь, тем больше пробуждается беспокойных мыслей – крутятся, роятся без устали... Даже самые невинные, безобидные события вдруг предстают в новом свете, и тени их все гуще и длиннее.

Когда я работала официанткой в баре, наш повар называл их «тревожными мурашками».

– Не доверяй своим мыслям с двух до пяти утра. Это все равно что слушать свое пьяное «я».

Нынешней ночью его совет меня не успокаивает. Я концентрируюсь на дыхании: медленно вдыхаю и выдыхаю.

Однако ощущение того, как острый кончик стекла протыкает кожу, так и не проходит.

Я прислоняюсь к кухонной столешнице. В кофемашине с глухим урчанием закипает вода. Что бы я делала без кофе? Около пяти утра меня все-таки сморил сон, глубокий, без сновидений. Теперь в голове – тяжесть, в теле – разбитость.

Небо за окном закутано в одеяло мягких белых облаков, в прорехах которого проглядывают голубые лоскуты. В бухте скользит по волнам байдарочник, радуя глаз плавными взмахами весла.

На берегу, задрав до ушей воротник, стоит одинокий орнитолог-любитель: голова запрокинута, бинокль нацелен на скалу. Восхищает безмятежная неподвижность его позы. До чего мило, когда птичья жизнь кажется столь увлекательной, что хочется посвятить простому наблюдению несколько часов в день!

Интересно, где угнездились птицы? Куда смотрит орнитолог?

Я вычисляю точку, в которую направлен бинокль, – и по спине бежит холодок. Бинокль наведен не на скалу, а выше. На мой дом.

В голове яркой картинкой проносится воспоминание: медленно расплывающиеся в улыбке губы, темные, неотрывно следящие за мной глаза хищной птицы, голос, с удовольствием произносящий мое имя.

Я моргаю, наваждение рассеивается, остается лишь легкая дрожь.

Разумеется, никто за домом не наблюдает, говорю я себе, бинокль направлен на птиц. Поблизости гнездятся стрижи, а иногда можно наткнуться на парочку сапсанов.

Волосы незнакомца скрыты под плотно натянутой шапкой, однако поза, прямая осанка и узкие плечи наводят на мысль: не женщина ли это?

Похоже, наблюдатель замечает в окне меня. Он опускает бинокль, наши взгляды на миг встречаются – и незнакомец, развернувшись, идет дальше.

Я придвигаю к себе мобильник. На экране вспыхивает имя редактора.

Изобразив на лице улыбку, я радостно восклицаю:

– Привет, Джейн!

Мы в подробностях рассказываем друг другу о наших поездках: я – о литературном семинаре во Франции, Джейн – о книжной ярмарке во Франкфурте. Наконец повисает пауза – признак неизбежного перехода от светской беседы к делу.

– Я, в общем-то, хотела поговорить о книге... – начинает Джейн. – Удостовериться, что все идет по плану, без срыва сроков в следующем месяце.

Мои плечи деревенеют. Роман запаздывает на несколько месяцев. Я уже ссылалась на проблемы с ремонтом, со свадебной церемонией, и Джейн – не могу не отдать ей должное – относилась к моим обстоятельствам с пониманием,

дважды отодвигая срок сдачи. Однако терпение редактора начинает истощаться. Грех ее в том винить. Последней датой стоит десятое декабря, не отправить к этому числу новую книгу – значит нарушить контракт.

На литературном семинаре я выкроила время поразмыслить о романе, который пишу. Точнее, не пишу. Долгие месяцы я металась от одной идеи к другой, несколько раз начинала и бросала работу – все было не то. В результате пропала уверенность в себе, ушло чутье. Слишком мелкие, неинтересные сюжеты. Только мучить читателя. Если история не вдохновляет и не увлекает меня, с чего вдруг она понравится другим?

«Синдром второго романа». Так назвал это Дэвид, один из кураторов творческого литературного семинара.

«Если вам крупно повезло и вы прославились, – сказал он, размазывая по крекеру подтаявший на солнце сыр бри, – считайте, что щедрые похвалы критиков и восторги читателей сложены перед вами в огромную гору. Первая книга – и сразу международный бестселлер! Чертова туча премий-наград ваша! Читатели подпрыгивают от нетерпения в предвкушении следующего романа! Так чему удивляться? Едва вы беретесь за перо, как над страницей мрачно нависают ожидания публики. Вы пишете в тени первой книги».

«Тень первой книги, тень первой книги...» – мысленно повторяла я потом, отдыхая в прохладе своей комнаты. Голова кружилась от красного вина, в окно с распахнутыми ставнями лились птичьи трели...

– Работа продвигается, все хорошо, – небрежно роняю я.

Одеревенение между лопатками сползает вниз по позвоночнику.

– Нам уже не терпится почитать! – радостно восклицает Джейн. – Может, пришлешь готовую часть? Я бы начала проникаться духом... Так хочется собрать художников для разработки обложки.

В воображении всплывает простой черный блокнот, сбитые в абзацы наборы слов, каракули предложений, перечеркнутые карандашом страницы.

– На самом деле я сейчас пересматриваю линию повествования, – уклончиво отвечаю я. – Давай подождем до десятого декабря, если не возражаешь.

Джейн соглашается. А куда ей деваться? Мы немного обсуждаем предстоящее мне интервью с журналом «Ред», дату проведения которого издатель как раз пытается согласовать. На прощание Джейн говорит:

– Жду не дождусь твой видеоэфир в «Фейсбуке». Уже скоро!

Я проверяю время. У меня около часа.

Перед отъездом во Францию Джейн уговорила меня сделать серию видеообращений – вроде бы это отличный способ связи с читателями и создания ажиотажа вокруг книги еще до ее выхода.

Я сказала, что не представляю, о чем говорить, что не на шутку ее удивило.

«Эль, ты уверенная в себе молодая женщина с ораторским талантом. Ты прекрасно справишься! Читатели просто хотят знать о тебе чуть больше: где ты черпаешь вдохновение, как пишешь и все в таком духе. Поддерживай непринужденную дружескую беседу. Можно по понедельникам вывешивать совет от писателя – такая рубрика «Что я узнала, когда начала писать». А потом отвечай на вопросы».

Для отказа у меня не нашлось веской причины.

Вот и теперь она повторяет:

– Мы уже анонсировали твое выступление по нашим каналам в соцсетях. Надеюсь, к трансляции подключатся несколько тысяч человек! А мы из офиса будем тебя подбадривать.

Представляете? Тысячи людей смотрят на меня. Задают вопросы. Прямой эфир. Ни шанса на ошибку. Ничего не отредактировать. Не спрятаться. Только я, писательница Эль Филдинг, и мой кабинет.

Я вешаю трубку, утирая со лба пот. Как тут жарко...

По пути на верхний этаж я немного остываю.

На время пребывания арендаторов кабинет оставался под замком. Во-первых, надо было спрятать ценные вещи, а во-вторых, меня передергивало от мысли, что за мой стол сядет посторонний человек. Звучит дико, знаю.

Я достаю из кармана ключ и начинаю борьбу с замком, верчу его вправо-влево, пока не раздастся щелчок. Дверь распахивается.

Вся комната озарена светом, в стеклянный фасад льется мерцающая зыбь моря, растекаясь по деревянным половицам и волнуясь на белых стенах. При проектировании кабинета я задумывала пространство, откуда воображение могло бы выпорхнуть – за пределы стола, компьютерного монитора, дома – и на всех парусах унести к бескрайнему, так много сулящему горизонту.

Минимум мебели, никаких украшательств. Старинный дубовый письменный стол, простой книжный шкаф из обработанных строительных досок, на полках – коллекция любимых романов и керамическая масляная лампа. В дальнем углу классическое английское кресло, развернутое к роскошному виду за окном, рядом сундук для хранения блокнотов, фотографий и дневников.

Я прохожу через комнату. Интересно, откуда здесь свежий морской запах соли? Разве после двух недель взаперти воздух не становится затхлым?

Вот в чем дело! Форточка у края стеклянной стены отворена. Странно! Я всегда дважды проверяю окна и двери. Наверное, просмотрела. При арендаторах сюда точно никто не мог зайти: дверь я закрыла на замок и увезла единственный ключ с собой.

Когда я усаживаюсь за письменный стол, загадка открытой форточки вылетает у меня из головы. Обожаю свой стол! Он попался мне на кэмптонском рынке четыре года назад, когда мы с Флинном жили на съемной бристольской квартире. Я только-только приступила к работе над дебютным романом, выкраивая время для сочинительства в обеденный перерыв или после завершения смены, но никому, кроме Флинна, не рассказывала о своем амбициозном начинании. Меня будоражила моя новая мечта, такая хрупкая, что,

казалось, обмолвись о ней – и она погибнет. После похода на кэмптонский рынок я заявила Флинну: «Если удастся продать книгу, первым делом куплю письменный стол!»

Однако Флинн без моего ведома связался с продавцом и отвез стол в гараж матери. Навещая мать по выходным, он часами занимался его реставрацией: выводил жучков, шлифовал поверхности песком, чистил богатые орнаменты резных ножек, снимал бесчисленные слои лака, поменял ручки, отполировал воском направляющие, заклеил трещины.

Лишь спустя год, когда я распечатала завершённый роман в шести экземплярах, чтобы отправить потенциальным литературным агентам, Флинн открыл свою тайну.

«Я собирался подождать, пока ты получишь контракт от издательства, – сказал он, заводя меня в гараж, пропитанный резким запахом смолы, – но по-моему, сегодняшний день важнее. Эль, ты закончила первую книгу! Все равно, будет она опубликована или нет. Не эта, так вторая или третья. В любом случае, ты уже писательница».

На мобильнике пищит таймер.

Начало через минуту.

Противно сосет под ложечкой. К трансляции подключаются тысячи человек...

Я усаживаюсь: спина прямая, плечи назад. Я знаю, что делать. Чего от меня ждут.

Глаза фокусируются на открытом ноутбуке. Камера включена, с монитора на меня глядит собственное лицо. В какой-то миг я себя даже не узнаю – то ли из-за наклона экрана, то ли неудачно падает свет.

Тянусь к мышке, навожу ее на кнопку «Выйти в эфир».

Щелкаю.

На лице расплывается улыбка. И в голосе звучит улыбка.

– Привет! Я писательница Эль Филдинг. Веду прямой эфир из Корнуолла, а точнее, из своего кабинета. Спасибо, что присоединились! Для тех, кто меня не знает: я – автор романа «Безумный страх». Это психологический триллер, опубликован в прошлом году. На протяжении следующих недель я расскажу о своем творческом пути, о том, чему научилась, поделюсь полезными советами и отвечу на ваши вопросы. Итак, с литературного совета, пожалуй, и начну. С самого простого и доступного. Заведите блокнот. И всегда носите его с собой. Наша краткосрочная память хранит информацию три минуты, так что если сразу не записать осевшую вас мысль, то, скорее всего, вы о ней и не вспомните. Вот мой, – говорю я, демонстрируя черный блокнот. – Всегда под рукой: в сумке, на прикроватном столике – везде, где бы я ни находилась, чем бы ни занималась. Он постоянно напоминает мне, что я писатель.

Внимательно слежу, чтобы блокнот не открылся – не дай бог увидят содержимое.

Делаю короткую паузу.

– Что ж, теперь ваша очередь, можно задавать вопросы. – Мой взгляд прикован к левой стороне монитора, где зрители в режиме реального времени набивают текст. – Я постараюсь ответить на максимальное число вопросов. Ага! Первый от Шерил Даун. Шерил спрашивает: «Ваш дебютный роман стал международным бестселлером. Давит ли на вас этот факт при работе над вторым романом?»

За мной сейчас наблюдает Джейн и ее команда.

– Да, есть немного. К счастью, я начала писать второй роман еще до публикации «Безумного страха». В тот момент ничто не предвещало столь грандиозного успеха. Должна признаться, я чуть отстаю по срокам – переезд в новый дом и большой тур с книгой отняли много времени. Но теперь все утряслось, я вновь с головой в работе.

Щелк.

– Следующий. Адам Грант интересуется: «Чем вы занимались, прежде чем стали писательницей?» – Я улыбаюсь. – Легче сказать, чем я не занималась! Обслуживала посетителей в баре, разносила кофе, стояла за стойкой приемной, подавала пальто в гардеробной ночного клуба, убирала офисы. Путешествовала, как только выпадала возможность. Немного пожила в Новой Зеландии, потом в Канаде. С двадцати лет я немало попрыгала с места на место, пробуя то одно, то другое, чтобы понять, что же мне на самом деле нравится.

И кем бы я хотела быть...

– В конце концов, я нашла дело по душе – писательство. Просто щелкнуло. И почему у меня не хватило ума осознать это раньше? Я по уши влюбилась в свое занятие, едва сочинила первый абзац. Даже не задумывалась, есть у меня талант или нет, получится зарабатывать творчеством или не получится. В голове крутилось одно: я обожаю писать!

И в моих словах нет ни тени лукавства.

Ответив еще на полдюжины вопросов, я отпиваю глоток воды и украдкой гляжу на часы.

– Осталось немного времени еще на пару вопросов. Эми Уэрдэн спрашивает: «Есть ли у вас ритуалы, связанные с написанием текста? Постскрипtum. Ваша жизнь идеальна!» Моя жизнь идеальна? – весело удивляюсь я. – У меня явный перебор с фильтрами! Что касается писательских ритуалов... Мне, например, важно записывать свежие идеи от руки на бумагу. Зарождение идеи – своего рода волшебство. Она слишком ценна, слишком хрупка, чтобы просто набить ее на компьютере и запереть в файле. Меня завораживают извивы слов на страницах, их разнородность, скрип карандаша по кремовому листку. На бумаге идеи порхают и обретают гармонию.

Фиона закатила бы глаза, слушай она мое выступление.

– И последний вопрос от Книгочей101.

Я сразу узнаю давнюю подписчицу: и ник, и аватарку – велосипед с набитой книгами плетеной корзинкой. Она комментирует почти каждую запись, оставляет мне сообщения в «Твиттере», строчит напрямую в личку и передает

через издательство подписанные от руки открытки.

– «Как ваша поклонница номер один, – начинаю зачитывать я, – хотела бы спросить: для того чтобы писать о предательстве, должен ли иметь склонность к предательству автор?»

Надо было пропустить ее вопрос, выбрать следующий.

На моем лице застывает улыбка.

– То, что вам необходимо, – медленно говорю я, стараясь обдумать ответ и правильно сформулировать мысль, – это склонность к исследованию. Надо уметь взглянуть на ситуацию со всех сторон и увидеть, где возможна червоточинка. Всегда спрашивайте: а если?..

На том речь и завершаю. Еще раз благодарю всех подключившихся к эфиру и напоминаю, что следующий будет через неделю.

Мое изображение исчезает с экрана.

Я продолжаю сидеть, глубоко вдыхая и медленно выдыхая. Думаю, эфир прошел как по нотам. Почти. Джейн будет довольна.

Наконец я выбираюсь из-за стола, прохожу к окну и распахиваю створку шире. Оттянув пальцем ворот топа, я трясую ткань, чтобы прохладный воздух остудил пылающую кожу.

Как колотится сердце! Ничего, созерцание волнующегося моря должно унять его бешеный стук.

2003 год

Эль сидела на пассажирском сиденье материнского «Рено», вертя на кончике уха серебряную сережку-звездочку: туда-сюда, туда-сюда – словно бусины четок. В голове роились беспокойные мысли: понравятся ли ей новые соседи по

общежитию? Не затоскует ли она по дому? Нормальная ли на ней одежда?

На Севернском мосту она опустила стекло и подставила лицо соленому, вязкому бризу, еще не догадываясь, насколько пустяковы ее тревоги.

Судьбоносное событие должно было произойти намного позже – в тот самый миг, когда жизнь кажется налаженной, душа поет и все дороги открыты.

Беда придет, как всегда, неожиданно.

Эль приехала первой. Автомобиль припарковали на тротуаре и, включив аварийку, начали переносить вещи в комнату: пуховое одеяло в лопнувшем мусорном мешке, тяжелую картонную коробку с едой из домашних запасов, завернутую в полотенце лавовую лампу, спортивную сумку с одеждой, два рулончика плакатов, немного примявшихся в машине.

Неприглядный вид общежития, расположенного рядом с железнодорожной магистралью, Эль ни капельки не смущал, не смущала ее и отсыревшая стена за кроватью. Она смотрела на унылое оштукатуренное здание, а видела свободу.

Мать помогла ей развесить плакаты с Бобом Марли и Ленни Кравицем, а также открытки от Фионы, которые та прислала из Сантьяго, где стажировалась в отделе новостей.

– Тебе здесь понравится, – сказала мать, ласково обхватывая ладонями лицо дочери. – Я так тобой горжусь! Надеюсь, ты услышишь это от меня достаточно часто.

Мать явно переполняли эмоции. Впервые за двадцать лет ей предстояло возвращаться в одиночестве в пустую квартиру.

– Знаешь, мам, ты ведь тоже можешь поступить в университет. Можешь учиться. Выделять больше времени на творчество. Просто надо взять студенческий кредит на обучение...

Мать только отмахнулась.

– Это твое время. Насладись каждым мгновением!

Эль и наслаждалась на полную.

Пока не встретила его.

Глава 4

Эль

Темнота разбавлена тусклым лунным светом. Час ночи. Натянув одеяло до подбородка, я переворачиваюсь на бок.

В детстве, когда не получалось заснуть, я прокрадывалась в кровать к матери и просила ее рассказать сказку. Каких сочных персонажей срывала она с ветвей своего воображения! На потолке перед моими широко распахнутыми глазами кружили стаи снежных барсов, вальсирующие цветочные феи...

Со дня ее смерти минуло уже четыре года, но иногда в часы ночных бодрствований этот факт по-прежнему не укладывается у меня в голове.

Мы с Фионой тогда долго не могли прийти в себя. В первые, самые ужасные недели после похорон я лихорадочно читала о сепсисе все, что подворачивалось под руку, а потом, исполненная негодования, кричала сестре в телефонную трубку: «Ты знала, что от сепсиса ежегодно умирают восемь миллионов человек в мире?! Почему же мы никогда об этом не слышали? Почему простая инфекция мочевыводящих путей переросла в такую дрянь? Почему мама не смогла ее пережить?»

Слишком взвинченная, чтобы уснуть, я включаю светильник, беру из ящика тумбочки свой экземпляр «Безумного страха» и открываю обложку.

Там надпись: «Посвящается моей матери».

Я провожу по буквам кончиком пальца.

«Ваша мать могла бы вами гордиться!» – сказал мне как-то читатель, которому я подписывала книгу.

Увы, он ошибался.

Через заднюю дверь дома я выныриваю в морозные объятия утра. Дующий вдоль стены ветер пробирает меня до костей, брусчатка, словно лед, обжигает босые ступни. Затягивая пояс потуже, я ощущаю легкое соприкосновение купального халата с шелковистым купальником.

В конце дорожки спускаются вниз высеченные в камне ступени. Лестница принадлежит мне и Фрэнку с Энид. Спускаться надо осторожно, не наступая в лужицы морской воды, собравшиеся в желобках и выбоинах, и на пышную кайму водорослей по краю темных скал.

Прошлой ночью мне удалось поспать от силы час или два. Настоящее мучение. Словно из-под ровно выстроенных в сознании мыслей выдернули опору и они тихонько покатались в одном направлении. Как ни старалась я увлечь их в другую сторону, они, описав круг, приводили меня в исходную точку.

К счастью, пронизывающий ветер и жгучий соленый воздух выметают из головы лишнее. Вот и пляж. Плотный спрессованный песок леденит ноги, под грозными тучами пенятся и оседают белые барашки волн.

– Ненормальная! – восклицает Фиона каждый раз, стоит упомянуть мое увлечение зимним плаванием. – Никто даже не догадывается, что ты в море! Да еще без гидрокостюма. Вдруг с тобой что-нибудь случится?

– Не случится, – коротко отвечаю я.

Главное – трезво оценивать собственные силы и погодные условия, а в своем здравомыслии я уверена. Я вообще люблю плавать, но заплывы в разгар зимы особенно пьянят и будоражат. После переезда в дом я пообещала себе, что круглый год раз в неделю буду купаться в море.

В детстве мы часто ездили в Корнуолл на каникулы, арендуя на задворках пляжа жилой автофургон. Однажды апрель выдался не по-весеннему холодным, и бесконечно долгое заточение в четырех стенах среди россыпи книг и одеял уже бесило. Я оторвала тоскливый взгляд от страницы и увидела у кромки воды компанию пожилых людей в плавательных костюмах. Никто не взвизгивал, не приплясывал на цыпочках, не суетился. Они просто зашли в море и поплыли.

– Вот до чего доводит деменция! – громко объявила Фиона, взбираясь ко мне на диван для лучшего обзора.

– А по-моему, настоящие смельчаки... – уперевшись подбородком в сплетенные руки, возразила я.

– Да им сто лет в обед! – фыркнула сестра. – Только воспаление легких подхватят.

Мать что-то писала в блокнот с золотым обрезом – подарок от меня и Фионы на Рождество, – но наше препирательство ее отвлекло.

– Холодная вода стимулирует производство лейкоцитов в крови, организм вынужден реагировать на изменяющуюся внешнюю среду. Это крайне полезно для здоровья. – Почти в любой разговор она умела вставить соответствующий теме интересный факт.

Фиона с хитрым блеском в глазах обернулась ко мне.

– Спорим, ты не сможешь, как они!

Нас разделяло четыре года, и заслужить одобрение старшей сестры было нелегко. Как же там, наверное, жгуче холодно... ледяные волны бросают тебя вверх-вниз, вверх-вниз... От одних мыслей о заходе в море по коже забегали мурашки. Я положила в роман закладку.

– Спорим.

Меняхватило на полторы минуты. Холод сковывал ребра, не давая вдохнуть, но пританцовывающая на берегу Фиона хлопала в ладоши и издавала

одобрительные возгласы – словом, я чувствовала себя героем. После триумфального возвращения мать отпаивала меня горячим шоколадом. Скрестив ноги, с чашкой в ладонях я сидела перед электрокамином, наблюдая за красными извивами искусственного пламени, а по телу растекались эндорфиновые волны.

Я сбрасываю купальный халат, живописно складываю его на мокром песке и делаю снимок. Кожу пощипывает морозец. Фотография отправляется в Сеть. Подписываю:

Лучшая зарядка для мозга. #сумасбродныйзаплыв

Все. Телефон в сторону. Только я и море.

Как показал опыт, главное – не кидаться к воде очертя голову, а ступать твердо и уверенно. Ни на что не отвлекаясь, я захожу в море. Вокруг голеней будто смыкаются ледяные кольца, но я сосредоточиваюсь на равномерном дыхании и продолжаю идти, пока вода не поднимается до пояса.

Толчок ногами – и я плыву прочь от берега. Суровое море заключает меня в объятия, изгоняя из головы все мысли. Единственное, о чем не забываю, – это о дыхании.

Я осторожна, стараюсь далеко не заплывать: не стоит испытывать судьбу и шутить с мощными течениями, которые тянут, засасывают тебя к горизонту. Соль на губах, соль на теле, кожу приятно пощипывает.

Где там мой дом? Оборачиваюсь. Неужели я забыла выключить в кабинете свет? Обстановка в озаренной лампой комнате как на ладони.

На меня глядит пустой письменный стол, а за ним... неожиданно мелькает тень.

Барахтаясь в волнах, я кое-как смаргиваю соленую воду и всматриваюсь в недра дома. Конечно же, это игра света! Необычный блик. Потому что теперь странной

тени не видно.

Дом на вершине скалы я впервые увидела с Флинном, когда мы приехали в Корнуолл представиться десятидневному Дрейку. Фиона тогда пребывала в полном шоке: ей, похоже, не верилось, что пронзительно орущее крошечное розовое создание с крепко сжатыми кулачками – ее дитя. Она будто в транс бродила вокруг дома в рубашке с засохшими пятнами от просочившегося молока, с пеленкой через плечо.

Однажды вечером я заглянула в детскую: сестра устало трясла ребенка.

– Возьми его, – жалобно взмолилась она при виде меня.

Прижав малыша к груди, я аккуратно обхватила ладонью изгиб крошечной спины и низким шепотом принялась напевать вспомнившуюся песню, которой нас давным-давно учила мать. Плавная мелодия успокоила ребенка. Я прижалась губами к мягкому пушку на его макушке, глубоко вдохнула запах, и меня, точно жар, охватил прилив тоски.

Фиона наблюдала за мной, неподвижно замерев в дверях детской, в ее глазах блестели непролившиеся слезы.

– Я даже не могу унять его плач!

– Ты отлично справляешься, просто измучена. Иди, вздремни. Я тебя разбужу, когда он проголодается.

Однако сестра невидяще смотрела в пустую кроватку, словно меня и не слышала.

– Сколько же вопросов хочется задать маме... Она ведь сама справлялась. С нами двумя. – Фиона покачала головой. – Отец ушел через полтора месяца после твоего рождения. Даже не представляю... Мама – настоящая героиня, а я никогда... никогда не говорила, какая она... потрясающая... только сейчас... – Она растянула губы в подобии улыбки. – Я безумно по ней скучаю!

– Знаю... – прошептала я.

Появление Дрейка напомнило, что жизнь и смерть всегда идут рука об руку, обострив боль от утраты матери. Как бы она любила этого малыша! Укачивала бы, восторгалась бы крохотными розовыми пальчиками, одевала, раздевала, купала. Как бы она о нем заботилась! Стирала одеяльца, испачканные ползунки, пеленки. Готовила бы еду, забивала бы продуктами холодильник, выбрасывала мусор, складывала постиранные вещи... Она восхищалась бы ловкостью Билла в обращении с памперсами и стерилизатором. Она сразу поняла бы по виду Фионы, что та валится с ног от недосыпа и что ее послеродовая депрессия принимает серьезный оборот.

Она знала, каково быть матерью, поэтому выкладывалась бы по полной.

Я старалась, как могла, заменить ее Фионе, но каждый раз, когда брала Дрейка на руки, ощущала новый приступ тоски. Мне явно требовался перерыв. Однажды я складывала выстиранную детскую одежду, а Флинн вдруг забрал у меня гору белых шапочек, тонких кофточек и распашонок, сжал мои пальцы и сказал:

– Давай прогуляемся.

По извилистому тротуару мы направились в сторону пляжа и случайно вышли на крутую тропу, ведущую к небольшой скалистой бухте.

Место казалось знакомым. Перед глазами всплыла смутная картинка из далекого прошлого: пикник; красные кисточки расстеленного на песке покрывала; на покрывале сидит мать и, прикрыв лицо от солнца ладонью, любуется окружающими красотами. Мне даже вспомнились мокрые черные камни, открывшиеся после отлива.

По пути вниз Флинн сказал:

– Скоро и наша очередь наступит.

Просунув руку в задний карман его джинсов, я прижалась к его плечу.

– Уже год прошел...

– Наверное, пора заглянуть к доктору?

От подобного предложения я напряглась и слегка отстранилась. Впрочем, меня посещала та же мысль.

Достигнув дальнего края бухты, мы заметили на вершине скалы приземистый рыбацкий домик.

– Какой вид!

– Смотри, там вывеска! «Продается», – оживился Флинн, указывая на торчащий красный знак.

Хозяйка дома, пожилая медсестра, не возражала против визита молодой пары, внезапно постучавшейся в дверь, и пригласила нас зайти. Коттедж дышал на ладан: крыша провисла, обои закручивались по краям, – и, тем не менее, было в нем какое-то очарование.

Уже на улице, когда мы остались наедине, Флинн заговорщически произнес:

– Только представь, как здорово тут жить... – Он развернул меня лицом к морю, обнял за талию и положил подбородок на мое плечо. – А мы могли бы тут жить, правда?

Аванс за книгу уже лежал на банковском счету, и у Флинна имелись сбережения из семейного наследства.

– Да, могли бы. Но ведь это Корнуолл. Как же твоя работа?

– Арбористом можно устроиться где угодно, – ответил он. – Тебе явно хочется здесь поселиться. Поближе к сестре и Дрейку. Верно?

В уме пронеслась череда хаотичных мыслей: утомленная Фиона, баюкающая новорожденного сына, мечты матери о домике на морском берегу, случайно обнаруженный рыбацкий коттедж, случайно оказавшаяся дома хозяйка... Сказочные совпадения!

– Верно, – согласилась я с Флинном. – Ужасно хочется!

Спустя двенадцать недель мы получили ключ и въехали в дом. Спали тогда на расстеленном на полу матрасе, а между делом строили планы на будущее. Что нам понадобится? Немного краски. Дровяная печь. Новые шторы. Новый ковер. Вот, собственно, и все.

Я плыву, глядя на возвышающийся на скале дом. Интересно, удалось бы спасти наш брак, если бы мы придерживались изначальной задумки и я не помешалась на ремонте?

Теперь я абсолютно одна в прекраснейшем доме, который больше не могу содержать, да и карьера моя, похоже, балансирует на краю скалистого обрыва.

Трясаясь от холода под купальным халатом, я взбираюсь по вырубленным в камне темным ступеням. На их фоне ноги выглядят бледными и бескровными. Влажные волосы липнут к шее. Скорей бы под теплый душ.

На узкой тропинке у дома мою обнаженную щиколотку цепляет гонимый ветром пластиковый пакет. Ухватить пакет не получается: порыв ветра надувает его, словно парашют, и несет прочь. Я бегу следом в конец участка – и останавливаюсь как вкопанная.

Подъездная дорожка засыпана мусором: грязные бумажные полотенца, пустые жестянки, пластиковые коробки, картонные упаковки – все на гравии. Несколько газетных страниц висят на заборе, остальные пританцовывают в воздухе; мимо пролетает мятый блокнотный листок. У края дорожки лежит перевернутый контейнер для мусора, крышка валяется рядом. Ветер, конечно, сильный, но не до такой степени, чтобы опрокинуть контейнер.

Я торопливо иду по острым камням к источнику беспорядка; не без усилий, но мне удастся поставить контейнер на место. Завязав распутившийся на купальном халате пояс, я начинаю собирать мусор. Мокрые волосы бьют по лицу, оставляя на коже свежую соль, и я нервно заглаживаю их назад. Чем дальше, там сильнее ощущение, что за мной наблюдают.

На другой стороне дороги, на крыльце родительского дома с сигаретой в руке стоит Марк.

- Это лисы! - громко говорит он, тушит сигарету о стену и, развернувшись, исчезает внутри.

От изумления у меня открывается рот. Мне не снится? Взрослый человек взял и спокойно рассыпал мусор?

Я так ошарашена, что меня разбирает смех. Неужели это из-за сноса рыбацкого коттеджа - месь за испорченный вид из окон фамильного дома? Я вспоминаю, как через полгода после покупки мы зашли в гости к Фрэнку и Энид. Это было ужасно! Когда я развернула чертежи на кухонном столе, Фрэнк, побагровев, закричал страшным голосом:

- Вы говорили, что реставрируете дом, а не перестраиваете!

Реакция соседей меня встревожила, однако друзья наперебой возмущенно твердили, что вид из окна никому не принадлежит и любой другой покупатель сделал бы то же самое. Конечно, говорили они правильно, но жар вины то и дело приливал к моим щекам.

Энид, теребя край кардигана, отошла к окну и устремила взгляд на море, будто спеша налюбоваться им, пока есть время. В тот миг я едва не отказалась от своей затеи.

Я заканчиваю собирать мусор и тащу контейнер в конец дорожки на место. Будь на моем месте Фиона, она отправилась бы напрямик к соседям и потребовала от Марка извинений, у меня же на борьбу нет сил.

Главное - мой роман. Вот на чем надо сосредоточиться.

С влажно-солеными волосами я усаживаюсь за стол, под рукой дымится чашечка кофе. Я готова. Где мой карандаш? Не глядя, шарю в ящике, но не могу нащупать ни одного. Я вытягиваю ящик целиком и перебираю все, что в нем лежит: ручки, маркеры, стикеры, клеящие карандаши. Вот дырокол, вот

калькулятор, баночка с канцелярскими кнопками, зажигалка для масляной лампы – и ни единого карандаша, черт бы его побрал!

Ерунда, конечно, но мне становится не по себе – я ведь всегда держу запас!

Я неохотно бреду вниз, выуживаю из сумки карандаш и возвращаюсь в кабинет уже на взводе. Открываю окно, устраиваюсь за столом второй раз. Рядом лежит издававший звуки словарь, ветер поднимает его обложку, раздувает веером страницы...

И все же что-то не так. Я стараюсь не поддаваться странному ощущению – не дай бог стать одной из тех писателей, которым требуется для творчества особая атмосфера, – однако отогнать тревожные мысли не могу.

Вот оно – словарь! Обычно он придавлен пресс-папье – чудесным стеклянным шаром, который мать привезла из туристической поездки на Мальту за три года до смерти.

«В нем как будто плещется море», – сказала она, мечтательно глядя на сувенир.

Шар всегда лежит на словаре, а теперь по неизвестной причине очутился сбоку.

Я беру пресс-папье в руки, задумчиво катаю шар в ладонях. Какой он тяжелый, прохладный... В серебристых крупинках играет солнечный свет, вся поверхность мерцает, точно морская зыбь. Я продолжаю крутить шар, пока не цепляю пальцем зазубрину.

Скол! Я подношу пресс-папье ближе к глазам. Тонкая выщербина не длиннее ногтя.

Странно, он никогда у меня не падал.

В душе вновь шевелится неприятное ощущение: что-то не так. Я брожу по кабинету, пытаюсь разобраться, в чем дело.

Господи... Стеклянный осколок, вонзившийся мне в пятку... Крошечная, смертоносная сосулька такого же цвета!

Сжимая в руке пресс-папье, я выбегаю из кабинета, торопливо спускаюсь по лестнице, распахиваю дверь в спальню и иду напрямик к мусорной корзине у зеркала. Найти в ней свернутую салфетку не составляет труда.

Осторожно разворачиваю. Вот он, стеклянный кинжал, таившийся в ковре.

Я прикладываю осколок к шару.

Словно ключ скользнул в замок – точное попадание.

Ранее

Надо быть крайне нелюбопытным человеком, чтобы, очутившись в чужом доме, не поинтересоваться личностью хозяина. Подсказки на каждом шагу: тщательно отобранные фотографии на стенах, развешанная в огромных гардеробах одежда, запасы лекарств в шкафчике ванной, коробка документов в комод, корреспонденция с надписанными от руки адресами...

Времени полно, и я смакую свои маленькие открытия, потому что сейчас твой дом – мой.

Я неторопливо иду из кухни в холл, восторгаясь целостностью интерьера и плавностью переходов между комнатами. Изумительный вкус. Кремовый диван с низкой спинкой обрамляют два округлых мягких кресла; оба развернуты под таким углом, чтобы с них открывался вид на воду. Нейтральные цвета, строгие линии, ровные поверхности – ничто не отвлекает взгляд от морского пейзажа. Даже в такой хмурый день, как сегодня, водная гладь буквально гипнотизирует. А в теплую погоду, если распахнуть двустворчатые двери, наверное, возникает чувство, что между домом и морем расстояние в один выдох.

Дом по-настоящему красив. Разумеется, некоторые не преминут заметить: «Еще бы, при такой-то куче денег».

А я не согласна. Помимо денег, надо иметь художественное видение.

Мне, например, создать подобный шедевр не под силу.

Мой взгляд приковывает легкая вмятина на диване, едва заметно продавленная ткань. Вот где ты сидела. Взгляд переходит на стоящий рядом кофейный столик. На краю столешницы небольшая потертость: видимо, сюда ты кладешь ноги.

Я наклоняюсь к тому месту, что хорошо тебе знакомо. Рука скользит вниз по краю дивана. Чем укромнее уголок, тем красноречивее он рассказывает о домовладельце. Под ногти набивается не то песок, не то крошки – по ощущениям как наждак. Пальцы нащупывают что-то тонкое и твердое. Карандаш. Конец расщеплен, из деревянной оболочки торчит графитовый стержень – сломан пополам.

Случайность?

Я встаю, оборачиваюсь. За диваном книжный шкаф. Тщательно отобранные керамические вазы разбивают книжные ряды с грациозностью правильно расставленных запятых. Я восхищенно рассматриваю коллекцию томов: много классики – Хемингуэй, Шекспир, Бронте, Остен... Немного предсказуемо, но все равно со вкусом.

Подхожу ближе, веду кончиком пальца по истертым корешкам: психологические триллеры, любовные романы, литературоведческие книги – но его... нет. Снова изучаю содержимое полка. Точно нет.

Не заметить в шкафу отсутствие твоего романа невозможно.

Глава 5

Эль

Закинув в рот последний кусочек индийской лепешки, я собираю емкости из-под заказанной на дом еды и следую на кухню за Фионой.

– Не смотри! – говорит сестра, бросая взгляд на мойку с горой грязной посуды. – Опять такая неделя выдалась...

– Я помою. Дел на минуту.

– Не надо! – Она закрывает путь к мойке. – Лучше налей нам еще вина.

Даже ностальгия накатывает от ее неумолимого, властного тона. Я привыкла, что меня постоянно направляют, будто поток воды, чье предназначение – окружать Фиону.

– Я хотела кое о чем спросить... – неуверенно начинаю я. Сестра быстро споласкивает пластиковую посуду, а потом заталкивает ее в мусорное ведро, приминая коробкой из-под овсянки. – После отъезда постояльцев, во время уборки дома, ты случайно не заходила в мой кабинет?

– Господи, там тоже надо было убирать? – Она с усилием захлопывает крышку мусорного ведра. – На меня тогда столько всего навалилось, вертелась как белка в колесе. Еле час выкроила. Кстати, больше я на такое не подпишусь. Вызывай в следующий раз специальную службу.

– Да я не о том... просто, когда я зашла в кабинет, окно было открыто. И в целом что-то изменилось.

– Изменилось?

– Да. Словно вещи кто-то переставлял, – поясняю я.

Фиона недоуменно оборачивается.

– Что ты имеешь в виду?

– Например, у меня на столе лежит пресс-папье – голубой шар, помнишь? Мама привезла его из поездки на Мальту.

– С чернильными спиральями? Помню.

– У него отколот кусочек. И осколок я нашла в спальне, в ворсе ковра.

– Та-ак? – тянет она.

– Мне кажется, его разбили в мое отсутствие.

– Я думала, ты закрыла кабинет на ключ.

– Я и закрыла.

– Значит, ты считаешь, – приподнимая бровь, говорит Фиона, – что арендаторы взломали дверь в кабинет, разбили пресс-папье, а осколок подбросили в спальню?

Именно такую – спокойно-насмешливую – реакцию я и ожидала. Поэтому и рассказала сестре.

– Возможно, осколок прилип к подошве, – продолжает она, – потом ты ходила по дому, и, в конце концов, он отвалился в спальне. – Она вставляет таблетку в посудомоечную машину и с силой захлопывает дверцу. – Так и знала, что после сдачи дома в аренду у тебя начнется паранойя. Надо бы тебе завести собаку.

– Не нужна мне собака.

Я беру из холодильника бутылку вина и наполняю бокалы. На дверце развешаны фотографии, записки и первые каракули Дрейка, нацарапанные карандашом. Мой взгляд упирается в снимок, где на фоне автодома запечатлены мы с Флинном и Билл с глубоко беременной Фионой.

Как же я скучаю по тому фургону! Флинн несколько месяцев переделывал «Мерседес-спринтер» в жилое помещение. Мы катались по уединенным пляжам, готовили ужины на маленькой кухоньке...

Я снимаю фотографию с холодильника, пристально всматриваюсь в изображение. Первая встреча с Флинном... Как сейчас помню его появление на пороге кафе: скейтборд под мышкой, загорелое лицо, длинные рыжеватые волосы, беззаботная улыбка – и я пропала. К заказанному кофе я добавила на блюде лишнее печенье, от желания подкашивались ноги. Флинн приходил каждый день и лишь спустя неделю набрался храбрости спросить:

– Может, погуляем, когда закончишь смену?

Мне шел двадцать пятый год, а я словно заблудилась в этом мире. Трудилась посменно в кафе и барах, спала когда придется, из съемной квартиры выходила разве что на работу. Будто из морской глубины, я наблюдала за жизнью других людей – в моей ничего не происходило. Я потеряла связь со школьными друзьями, отдалась от матери и Фионы. Я не знала, кто я и чего хочу, пока весенним утром, во вторник, в наше кафе не заглянул Флинн Филдинг со скейтбордом в руках. И я вынырнула на поверхность. Воздух! Я могу дышать!

Фиона прислоняется к моему плечу.

– Так почему вы все-таки разводитесь? Напомни-ка.

Я бросаю на нее убийственный взгляд: не начинай.

– Знаешь, о чем я думаю? – продолжает она, пока я прикрепляю фото на место.

– Опять двадцать пять.

– Пора бы тебе заняться личной жизнью, сходить на свидание...

– Я думала, мне надо завести собаку, – саркастично замечаю я.

– Сходи на свидание с владельцем собаки.

– Я сама разберусь, что мне делать.

С вином в руках мы идем в гостиную и располагаемся на диванах. В комнате так тепло, что я внезапно зеваю, веки тяжелеют, хотя еще и десяти нет.

– Расскажи лучше об арендаторах. Какие они люди?

– Что?

- Ну, Джоанна и ее семья, - поясняю я. - Которые арендовали мой дом. Ты же передавала им ключи? Как они тебе показались? Не похожи на маньяков - колотильщиков пресс-папье?

По лицу Фионы пробегает тень. Она сосредоточенно изучает ножку бокала.

- Да вроде нормальные.

Однако я хорошо знаю свою сестру.

- Что ты скрываешь?

- Ничего.

- Фиона...

Спустя три-четыре секунды она наконец поднимает на меня взгляд.

- Слушай... прости... Я их не видела.

- Что?!

- Как мы и договаривались, я пришла к ним утром в день приезда, но их не оказалось дома... - неохотно рассказывает Фиона. - Я оставила им записку с моим номером телефона. Собиралась заглянуть на неделе, но дела, как-то закрутилась, и...

- Ты же говорила, вы встречались! Ты говорила, ты их видела! - Моя рука непроизвольно, с силой, хлопает по подлокотнику дивана - неожиданно даже для меня.

Не очень-то сестра дотошна в делах, которые не сулят выгоду непосредственно ей.

В ванной Фионы, в ярком свете потолочных ламп я смотрю на свое отражение. Вид у меня замученный. Мешки под глазами превратились в темные синяки. Впрочем, я уже усвоила: жаловаться на усталость матери малыша, которая провела с ним неделю один на один, строго запрещено.

Я мою руки. Совсем забыла, что кран с холодной водой брызгает в стороны – весь топ в пятнах. Я быстро закрываю воду и, не найдя полотенца, вытираюсь о висящий на дверях купальный халат.

В те времена, когда мне казалось, что аванс за книгу никогда не закончится, я предложила Фионе оплатить ремонт в ванной, но она одарила меня одним из своих надменных, убийственных взглядов, отбив охоту выступать с подобными идеями впредь. В целом мне здесь даже нравится. Шампуни-кондиционеры на краю ванны и пластиковые утята с игрушечными кораблями, торчащие из закрепленной на кафеле сетки, наполняют помещение уютом. В отколотую кружку втиснуты зубные щетки, в тазу – холмик прихваченных из гостиниц миниатюрных гелей для душа. Никаких встроенных шкафов для банных и туалетных принадлежностей, никаких плетеных корзин с аккуратно сложенными полотенцами. Сразу видно: здесь живут – и в этом своя притягательность.

Мне часто приходит мысль, что коллеги Фионы, привыкшие к ее прямоте и высокой эффективности, сильно удивились бы, зайдя они к ней в гости. Дома у нее будто открывается вентиль, чтобы сбросить давление рабочей жесткости и въедливости, – такой здесь царит хаос.

В этом мы с ней противоположности. Мой дом – святилище, храм порядка и лаконичности. Каждая вещь на своем месте, что создает ощущение безопасности и покоя.

А вот в остальном у меня полный хаос...

На лестничной площадке я задерживаюсь у приоткрытой двери в комнату Дрейка. Наверное, лежит себе в теплой пижаме, тихонько посапывает, от шейки вкусно пахнет печеньем... На душе становится радостно. Так и тянет прокрасться в спальню, поправить одеяльце и проверить, на месте ли соска. Пожалуй, не стоит – вдруг разбужу. Фиона целый час его укладывала. Не дай бог

снова поднять ее на ноги: в гневе она страшна.

Комната напротив озарена светом настольной лампы: кабинет сестры, бывшая кладовка и будущая детская – если Фиона когда-нибудь решит обзавестись вторым ребенком (точнее, никогда). На письменном столе, будто смытый волнами груз, громоздятся кипы бумаг, статьи, блокноты, а над всем этим хламом парит монитор компьютера.

Фиона много лет работала в Лондоне журналистом, специализируясь на смелых разоблачениях специалистов-отраслевиков. Словно гончая, она брала след и шла по пятам тех, кто незаконно переводил со счетов деньги, уклонялся от налоговых выплат или выказывал малейшую пристрастность к подчиненным. Ею двигало обостренное чувство справедливости, так что, несмотря на напряженный, ненормированный график и мощную нагрузку, сестра на этом поприще процветала.

Переезд в Корнуолл и рождение ребенка стали для Фионы не осознанной сменой направления, а скорее принудительным разворотом на сто восемьдесят градусов, с визгом тормозов и сожженными об асфальт шинами. Усидеть на двух стульях было невозможно. Контакты, интервью, источники информации, которые задавали ей топливо, остались далеко в Лондоне.

Работа всегда стояла для Фионы на первом месте, поэтому мы с Биллом очень обрадовались, когда на первый день рождения Дрейка, убирая после праздника со стола тарелки, сестра вдруг объявила, что планирует работать из дома копирайтером.

Теперь ее часы посвящены поиску идеального слова или красноречивого оборота, которые произведут впечатление на потребителей продукта и привлекут внимание к бренду. Над письменным столом висит доска с приколотыми булавками указаниями, картинками и краткими пожеланиями клиента относительно выбора слов. В самом центре открытка. Узнаю свой почерк: «Ты бесстрашная и талантливая! У тебя все получится! Желаю острого пера и быстрой мысли!»

Я улыбаюсь. Так трогательно, что сестра повесила мою открытку над рабочим местом.

Позади скрипит половица.

- Не очень похоже на морской пейзаж, да? - В дверном проеме стоит Фиона.

- Мне приятно, что она именно здесь.

- Кто? Куда ты смотришь?

- Ты сохранила мою открытку...

- Правда? Я и забыла, что повесила ее на доску.

Из-за спины Фионы раздается громкий плач:

- Мама!

Входная дверь распаивается, в дом заваливается Билл, а за ним облако холодного воздуха.

Он бросает на пол сумку, на сумку - пиджак. Пуговица на воротнике рубашки расстегнута, галстука нет.

- Эй, это случайно не вы та самая известная писательница? - Этой шутке уже сто лет, но Билл довольно улыбается. - Я заметил твою машину.

Он широко раскрывает мне объятия, так что на груди трещит рубашка; мы обнимаемся. От Билла пахнет автомобильным освежителем воздуха, мятой и - едва уловимо - сигаретным дымом. Сестра бросила курить шесть лет назад и Биллу запретила, но нам известно, что он иногда втайне ото всех позволяет себе сигаретку-другую. Впрочем, как и Фиона.

«Курить намного приятнее, когда делаешь это украдкой, - призналась как-то она. - Ощущение, будто ходишь по острию ножа».

- А где твоя прекрасная сестра? - весело интересуется Билл.

- Наверху. Дрейк проснулся.

- Ясно. - Его взгляд упирается в меню еды на вынос. - Фиона опять наготовила тебе роскошных яств?

- Ага, чудесные индийские блюда. Прости, мы не думали, что ты вернешься так рано, ничего тебе не оставили.

Билл направляется на кухню, я следом.

- Мне достаточно... только этого! - Достав из холодильника бутылку пива, он легко откручивает крышку и стучается горлышком о край моего бокала с вином. - За конец недели!

- За конец недели! - поддерживаю я тост, хотя не разделяю его эйфории.

Завтра у меня лекция в местной библиотеке, и пока дело не сделано, расслабиться не выходит.

Билл насыпает в тарелку фисташек, угощает меня, а оставшиеся, запивая пивом, горстями закидывает в рот.

- Отдых во Франции удался?

- Удался. Мне понравилось. Хотя и домой тоже хотелось.

- Дом на месте? - со смехом спрашивает он.

- Слава богу, на месте.

- Фиона сказала, что с арендаторами никаких проблем не возникло.

- Вроде бы.

– Если надумаешь еще раз его сдавать, хоть подмигни. Я бы не отказался сбежать на пару дней из нашего сумасшедшего дома. – Билл довольно хохочет, в глазах пляшут веселые искорки.

Первый раз я встретила Билла в Лондоне, когда заглянула к Фионе в гости: он стоял у мойки и мощными руками оттирал в мыльной воде кастрюлю, в изгибе блестящей лысины отражалась кухня. Сначала я решила, что это отец одного из ее соседей по квартире.

Он разительно отличался от бледнолицых ботаников, с которыми обычно встречалась Фиона, поэтому я сильно сомневалась в успешности их романа: сестре быстро надоедали ее ухажеры. Билл стал бы очередным разочарованием.

«У него очень приличная работа, – сообщила она, когда мы остались наедине. – В сфере продаж. Есть рабочий автомобиль – ужасная серебристая громадина с тонированными стеклами. – Об их отношениях она рассказывала с ноткой веселого недоумения, будто сама до конца не верила, что запала на подобного типа. – За два года Билл не прочитал ни одной книги! Он смотрит турниры по снукеру, представляешь? Хорошо провести вечер для него – это выпить несколько пинт в клубе, где выступают юмористы. Он старше меня на двенадцать лет. Он носит украшения! И я имею в виду не пирсинг, а самые настоящие украшения! Золотую цепочку на шее... и перстень-печатку».

Я пристально взглянула на сестру: «Но ведь он тебе очень нравится?» Фиона, точно девочка, смущенно улыбнулась и опустила взгляд, что случилось на моей памяти крайне редко. «Да. Думаю, да».

И вот теперь Билл спрашивает:

– С тобой все в порядке? Уж больно усталый у тебя вид, дорогая. Правда все хорошо?

Он всегда чувствует, когда со мной неладно, – за то его и люблю.

– Сплю ужасно. Точнее, не сплю. Вот и все.

– Ах гадина-бессонница! Слишком много на тебя навалилось. Флинн. Сдача книги. А может, до сих пор привыкаешь к новому дому.

Я киваю. Интуиция у Билла отменная.

– Но мы ведь рядом, не забывай. Если что-то понадобится... – говорит он и ободряюще сжимает большой рукой мое плечо.

Ох, крепковатая у него хватка!

– Мне показалось, что хлопнула дверь, – раздаётся голос Фионы. Она идет через кухню к Биллу и целует его в губы. – Обошлось без пробок?

– У меня было совещание в Бристолe. Закончили вовремя, и я прямиком домой. Как Дрейк?

– Лучше не бывает. На выходные он весь твой.

– Только если и ты на выходные вся моя, – ласково произносит он, притягивая к себе Фиону, и зарывается лицом ей в шею.

Я иду к стулу, на котором лежат мои пальто и сумочка.

– Всем пока! Я исчезаю.

– Не глупи! Остайся! – протестует Билл, выпуская из объятий Фиону.

– У меня завтра утром лекция в библиотеке.

– Я видела объявления, – говорит сестра. – Постараемся заскочить.

– Правда? – удивляется Билл.

– Только попробуйте! – негодуяще восклицаю я.

Но Фиона не обращает внимания на мой протест.

- Начало в одиннадцать? - уточняет она.

- Пожалуйста, не надо! У вас на выходных, я уверена, найдутся дела поинтереснее.

- Эль, мы безумно скучные люди.

- Нам, между прочим, - встречается Билл, - ужасно хочется похвастаться перед публикой, что мы родственники знаменитой писательницы.

- Только не задавайте мне вопросы, от которых я впаду в ступор. Договорились?

Он берет Фиону под руку и, поигрывая бровями, невинно спрашивает:

- Кто? Мы?

Я выхожу из теплого дома в холодную ночь и направляюсь через дорогу к автомобилю. Билл и Фиона стоят на пороге, наблюдая, как я иду к машине, - беспокоятся: мало ли что.

Зажигание. Обогреватель. Радио. Все включено. Я трогаюсь с места, машу провожающим рукой, но они уже отворачиваются.

Билл захлопывает дверь и запирает семью в их крепости.

2003 год

Отдохнувшая и загоревшая за время летних каникул, Эль спешила на первые лекции. Найти нужный корпус в сплетении улиц обширного студенческого городка удалось не сразу. Немного поплутав, запыхавшаяся, она как можно незаметнее проскользнула в аудиторию за последние ряды. Занятия уже начались.

Ее взгляд растерянно блуждал в поисках свободного места. Свободное место оказалось только в первом ряду. Когда она начала спускаться на цыпочках по центральной лестнице, мечтая превратиться в невидимку, преподаватель умолк на полуслове.

Он сидел на краю стола – молодой, темноволосый, модно подстриженный, в хорошо скроенном вельветовом пиджаке и темных джинсах, – а позади на большом экране светились два слова: «Трагедии Шекспира».

– Должен предупредить, – сказал преподаватель, – что опоздавших ждет печальная участь: в конце занятия придется помогать мне с раздачей конспектов. Итак... – Он пристально посмотрел Эль в глаза. – ...сегодня роль ассистента выпала вам.

Его лицо озарила мальчишеская улыбка, а вокруг глаз солнечными лучиками залегли морщинки.

Эль оказалась в центре внимания аудитории, на нее уставились сотни глаз. То ли юные девятнадцать лет, то ли дурман горячительных напитков, употребляемых накануне в баре до четырех утра, – словом, что-то побудило ее вдруг, перед всеми студентами курса по английской литературе, присесть с усмешкой в реверансе, обронив:

– К вашим услугам.

Его звали Люк Линден, «но зовите меня просто Люк». Как выяснилось позже, он принадлежал к той категории преподавателей, которые предпочитают не стоять на кафедре, а разгуливать по учебному классу из угла в угол, меряя его широкими шагами. Он умело использовал в лекциях паузы, так, что подскакивали даже задремавшие студенты, словно тишина окликнула их по имени. Страстно говорил о семантике, о понятиях романтической любви в яковианской Англии – да и выглядел как выходец из той эпохи.

Но только выглядел...

Тут-то Эль и совершила первую ошибку.

Глава 6

Эль

Рассказа достойна одна история – та, что переполняет вас и требует, чтобы ее выслушали. Она и есть лучшая.

Писательница Эль Филдинг

Распахнув автомобильную дверцу, я выхожу в молчаливую темноту – слышен лишь торопливый стук моих шагов по обледенелой подъездной дорожке.

Стоя на крыльце, я нащупываю в сумочке ключ.

Пожалуй, не следовало возвращаться в пустой дом. Лучше бы выпила еще бокал вина у Фионы с Биллом и отрубилась на их диване.

Я вставляю ключ в замок, захожу внутрь, запираю за собой дверь.

Вокруг мертвая тишина. Душит меня. Бьет по ушам безмолвием.

Ненавижу приходить в пустой дом, особенно после заката. Господи, возможно, Фиона права: мне нужна собака.

То и дело ловлю себя на мысли, что я скучаю по прежней жизни в Бристоле – с толпами людей, неумолчным грохотом проезжающих машин, круглосуточными магазинами, шумными соседями за стенами квартиры с их болтовней, смехом, громкими телевизорами, журчанием сливных бачков, звоном тарелок...

Я заставляю себя быстро обойти дом, зажечь везде свет, включить радио и телевизор.

Впереди первая зима в Корнуолле. Надеюсь, не замерзну. Полы с подогревом не дают столько тепла, как камин. Надо бы растопить каминную печь. Эта мысль каждый раз напоминает мне, что Флинна больше нет – дровами всегда

занимался он.

На нашей последней съемной квартире тоже был камин. По вечерам, тщательно выбирая поленья, запасенные за предыдущий год работы, Флинн объяснял мне, где яблоня, где береза, а где слива, сколько каждое будет гореть, какой дает аромат, как долго их высушивали.

Разубедить я себя не успеваю: рука сама вынимает мобильник и набирает номер. Мне безумно хочется услышать его голос. Хочется сказать ему: «Помнишь каминную печь, которую ты выбрал? Я собираюсь ее растопить». Хочется сказать: «Я по тебе так скучаю!» И услышать в ответ: «Я тебя простил».

Флинн берет трубку, фоном тихо играет джаз. Один из его любимых блюзменов. Музыку он крутит на старом граммофоне отца – ему нравится сам процесс: установка иглы, шершавый скрежет поворачивающейся пластинки...

– Эль?

– Я... просто... Я подумала... хотела поздороваться. – Смотрю на часы.

Полночь пятницы. Черт!

– Ясно. Ну, здравствуй, – недоуменно говорит Флинн.

Прижав телефон плечом к уху, я иду на кухню проверить, заперт ли черный ход. Нажимаю на ручку, дергаю засов. Обхожу комнату по периметру – окна тоже закрыты. И винный погреб.

По ходу рассказа о вечере у Фионы с Биллом я перемещаюсь в гостиную, заглядываю за диван, пробегаюсь ладонью по складкам штор, пока пальцы не упрутся в стену. Надо проверить каждую комнату, каждую форточку – лишь тогда в моей душе воцаряются мир и покой.

Удостоверившись, что дом – действительно крепость, я иду в спальню и расслабленно падаю спиной на кровать, голова с мягким глухим стуком приминает подушку.

В прижатом к уху телефоне слышно мерное дыхание Флинна. Наверное, сидит в полумраке на диване у пылающего камина, с пустой бутылкой из-под эля на приставном столике.

Блюзмен доигрывает свою мелодию, и наша беседа естественным образом тоже затухает. Я закрываю глаза. В нашей прежней жизни – той, что якобы идет у нас параллельно нынешней, – я бы вытянулась на диване, закинула ноги на колени Флинну, согреваясь теплом огня в камине. Мы бы строили планы, чем заняться в выходные: прогуляться по лесу и пообедать в пабе или съездить в гости к друзьям на побережье...

На том конце провода хлопает дверь, шелестят быстрые, легкие шаги. Низкий, плачущий женский голос что-то приглушенно говорит Флинну.

– Ой... – От неожиданности я сажусь на кровати, прижав руку к груди. – Ты не один?

– Послушай, Эль... – Голос звучит отчетливее, как будто Флинн прижимает телефон к губам. – ...я не знал, что ты...

Главное – красиво выйти из сложившейся ситуации. Я подыскиваю слова, но так и не придумываю, что сказать – что делать с обрушившейся на меня реальностью.

На ум приходит только одно: повесить трубку.

Я брожу по комнате из угла в угол, снова и снова прокручивая в голове телефонный разговор.

Флинн.

Флинн и другая женщина.

Настоящий удар под дых.

В отчаянии швыряю мобильник на постель. Он отскакивает от матраса в кремовую прикроватную тумбочку и приземляется на ковер.

Ванна с эфирными маслами – вот что мне нужно. Вода принимает мое тело в свои объятия, омывая, будто остров, овал лица. Сосредоточиваюсь на дыхании. Вдох-выдох... Пытаюсь расслабиться.

Ничего не выходит! Разбрызгивая воду, я решительно вылезаю из ванны и закутываюсь в купальный халат. Взгляд упирается в кровать. Тут и думать нечего, мне явно не до сна – слишком я взвинчена и расстроена.

Значит, буду писать.

Светильник озаряет письменный стол лучом белого света, все, что за спиной, погружено во мрак.

Переведя дух, я навожу мышку на вордовский документ под названием «КНИГА 2».

«Работа продвигается, все хорошо», – сказала я Джейн.

До сдачи романа пять с половиной недель.

А внизу, на бюро, горка неоткрытых счетов и непереведенный за месяц ипотечный платеж. Все завязано на эту книгу, все мое обслуживание. Книгочей101 запостила на моей странице гифку: женщина с невозмутимым лицом сидит за печатной машинкой, а вверх-вниз прыгают ключи. «Надеюсь, вы трудитесь не покладая рук. Я уже в нетерпении. Не забывайте о вашей поклоннице № 1! ?»

Щелкаю мышкой.

Документ открывается на титульном листе.

КНИГА 2

Эль Филдинг

И все.

Белый лист.

Пустота мозолит глаза, требуя ее заполнить. Будто в черную дыру смотришь, только дыра белая – того и гляди засосет, растворит в безграничном голом пространстве.

Ноги под столом отплясывают джигу.

Где же вдохновение и энтузиазм, которые переполняли меня до выхода первой книги? Тогда я просто писала для своего удовольствия, читатели ничего не ждали, издатель не торопил. Благословенная свобода! А мне до смерти хотелось, чтобы роман опубликовали. Не понимала я, как чудесно писать по велению души, а не по суровым условиям контракта.

Теперь в ожидании новой книги томятся тысячи читателей, подпрыгивают от нетерпения издательство. Даже судьба дома зависит от этого романа! Я расстроено чешу ключицу, на сердце становится еще тяжелее.

Не так я себе представляла творческий процесс.

Не так должна была сложиться моя карьера.

«Все будет хорошо! – громко говорю я наигранно веселым голосом. – Ты справишься! Надо лишь сосредоточиться. Прочь сомнения! Хватит сидеть и раздумывать. Просто пиши, Эль».

Минутка командной поддержки.

Боже мой, чертова тишина... Кто угодно сам с собой заговорит. Я включаю музыку, прибавляю звук, зажигаю большую потолочную люстру. Уже намного лучше!

Я расхаживаю по кабинету. Сейчас комната отлично просматривается из бухты, если там, конечно, кто-нибудь есть. И меня видно, одну-одинешеньку.

Рука тянется к пресс-папье, и выбитая щербинка попадает прямо под большой палец. Мне так живо вспоминается укол острого осколка, будто он до сих пор торчит в пятке.

И животный страх... Мерзкое ощущение.

Я опускаюсь в кресло и кладу пресс-папье на стол. На округлой стеклянной поверхности в мерцающих бликах света плавает искривленное отражение моего лица.

Я знаю, какую историю хочу рассказать, причем знаю давно.

Она внутри меня. Теперь я ясно вижу. Главные герои обрели плоть и кровь, они живые. Надо просто их выпустить и закрепить на страницах.

В сознании парят образы, в ушах звенят голоса. Добро пожаловать, друзья!

И пальцы начинают стучать по клавиатуре.

2003 год

Вторую ошибку Эль совершила позже.

Мельком взглянув на библиотекаря, которая сосредоточенно разбирала тележку с книгами, она занялась препарированием шоколадного батончика – в первую очередь обгрызла шоколад, а потом начала сосать медовые соты, пока те не превратились во рту в мягкую вязкую массу.

Сидящая напротив соседка по общежитию, Луиза, шепотом поверяла ей свои планы сразить всех на космической вечеринке необычным платьем из воздушно-пупырчатой пленки, выкрашенной краской из баллончика. Неожиданно умолкнув на полуслове, она устремила взгляд вверх плеча Эль.

– А вот и он.

Эль выпустила изо рта батончик и повернулась на стуле.

Через библиотечный зал легким широким шагом с газетой под мышкой шел Люк Линден. Его появление не осталось незамеченным. Несколько студентов за столом слева приветственно помахали ему и о чем-то спросили. Люк остановился на полдороге, понимающе кивнул, негромко, в полной тишине, ответил на вопрос и продолжил путь.

Когда он поравнялся со столом Эль, она подняла голову – их взгляды встретились. Он криво улыбнулся на ходу и исчез в глубине библиотеки.

Уперевшись локтями в стол, Луиза прошептала:

– Думаю, придется поступать в магистратуру только ради того, чтобы еще годик на него полюбоваться.

– Сфотографируй его и все. Меньше мороки.

– Ой, не притворяйся, что ровно к нему дышишь, – хмыкнула Луиза.

– Я и правда равнодушна.

– Ага... Переспала бы с ним на раз-два. Да-а-а?

Эль пожала плечами.

– Да переспала бы... – Луиза закатила глаза. – ...как пить дать!

Спустя время Эль с удивлением обдумывала свой ответ и последствия такого легкомыслия. Неужели она говорила всерьез? Если бы вернуться в прошлое, отредактировать воспоминания, переписать тот крошечный эпизод... Одно несчастное предложение определило ее судьбу, подвесило на крючок.

Однако тогда она была несовершеннолетней девчонкой с длинными распущенными волосами, свежим личиком и радужными мечтами о грядущей прекрасной жизни.

Под пристальным взглядом Луизы Эль наконец сказала:

– Конечно. – И, многозначительно усмехнувшись, добавила: – Собственно, может, так и сделаю.

Глава 7

Эль

Черная бархатная темнота. Четыре часа утра. Я переворачиваюсь на бок. Простыни горячим клубком сбились вокруг талии. Гадина в мозгу вертится, шевелится, сна ни в одном глазу.

Я прислушиваюсь к тишине дома. Мне нужны хоть какие-то звуки – намек на присутствие других людей: свистящее сопение малыша в детской, скрип чугунной дверцы камина, треск горящих поленьев.

Но здесь только я, мое дыхание и частый стук моего же сердца.

Ах, еще мои мысли! Буйные, громкие, точно пьяная компания, они-то не безмолвствуют. Их злоба и ехидство, кажется, прочно обосновались в моей голове, а в сознании звенит эхо воплей.

Приглашаешь к себе интересный сюжет и героев – и тут такие гости. Вдруг они не уйдут?

Сажусь в кровати и всматриваюсь в густой сумрак.

Просыпаюсь разбитой и опустошенной. Похожее странное истощение обычно бывает после долгих рыданий. За минувшую ночь я написала пять тысяч слов. Не могла оторваться. И до сих пор не могу. Меньше всего на свете мне сейчас хочется читать лекцию в библиотеке. Я мечтаю остаться дома и сосредоточиться на книге.

Натягивая зимнее пальто, я останавливаюсь в прихожей перед зеркалом. Боже, ну и видок! Краше в гроб кладут. По лицу пятна, под глазами синяки.

Сверяю время. Через час я буду стоять в библиотеке и рассказывать собравшимся о своей великолепной жизни – жизни знаменитой писательницы.

О чем я думала, когда соглашалась?

Впрочем, знаю о чем. О том, что надо входить в местный мирок, пускать корни. Снос рыбацкого коттеджа не добавил мне очков в глазах окрестных жителей, для них я очередная пришлая. А мне хотелось бы завести в Корнуолле друзей и наконец почувствовать себя дома.

Так этого не хватает!

Я щелкаю застежкой сумки, еще раз проверяю, вложены ли в роман заметки к лекции.

На улице, наверное, ужасно холодно. Я тяну ворот пальто плотнее к горлу. Что-то не так... У воротника должна быть приколотая брошь – серебряный стриж с расправленными крыльями, – но пальцы ее не нащупывают. Брошь принадлежала матери, я никогда ее не снимала. Когда же я в последний раз носила пальто? В день отъезда, перед вылетом во Францию. С тех пор оно висело в прихожей. Присев на корточки, я начинаю обшаривать обувь, выставленную в ряд под вешалкой, трясую каждую пару – пусто.

Времени поискать как следует уже нет, хотя уходить из дома без броши весьма неприятно. Словно дурной знак. На душе становится тревожно.

Я выпрямляюсь. Перед глазами образ Джоанны: бледная рука водит по воротнику моего пальто, длинные пальцы натываются на крыло серебряной

птички, легким движением брошь откалывается, и прохладный металл исчезает в чужой ладони.

Вытащив с заднего сиденья коробку с книгами, толчком бедра захопываю автомобильную дверцу и с трудом запикиваю ключ в чехол.

Библиотека возвышается в глубине просторной лужайки, к главному входу ведет каменная тропа. При свете утреннего солнца отделанное декоративной штукатуркой здание кажется бесцветным и каким-то усталым. По стене змеятся побеги глицинии с давно увядшими цветами, бетонный фундамент испещрен кляксами птичьего помета.

Я наваливаюсь на дверь плечом – и меня окутывает теплый бумажный запах книг.

Молодая сотрудница библиотеки в клетчатой рубашке, туго обтягивающей грудь и живот, бросает тележку с книгами и бежит навстречу.

– Добро пожаловать! Давайте-ка свою коробку! – восклицает она, забирая ношу. – Меня зовут Лора. Знаете, я просто влюбилась в «Безумный страх»! В прямом смысле слова влюбилась! Я всем, буквально каждому рекомендую прочитать ваш роман!

– Очень мило с вашей стороны. Спасибо, Лора. – Я улыбаюсь.

Лора ведет меня к небольшому столу, перед которым полукругом выставлены стулья.

– Как вам? – спрашивает она с легким корнуоллским акцентом. На ее щеках играет яркий румянец, на шею спускаются тонкие пряди волос, выбившиеся из стянутого резинкой хвоста. – Я поставила вам на стол графин с водой. Микрофон, если надо, тоже наготове. Некоторые не любят им пользоваться. Мейв еще сказала, что на складе есть кафедра. Нужна?

– Нет, все отлично, мне нравится. Спасибо!

За окном вдалеке маняще мерцает море, и мои помыслы устремляются туда. Вот бы сейчас на пляж, в воду, в соленые брызги...

– Ой, к сожалению, окна не открываются. Но если вы думаете, что будет душно, я могу оставить нараспашку дверь эвакуационного выхода. Как по-вашему? Открыть дверь?

– По-моему, температура в самый раз. Кстати, красивая афиша, – говорю я, заметив доску объявлений.

– Я лишь распечатала ее на принтере, – прижимая руки к груди, с довольной улыбкой отвечает Лора.

Я вешаю пальто на спинку стула, выкладываю на стол роман и проверяю под обложкой конспекты.

– Смотрите! Вот и Мейв, наша заведующая. Думаю, вы не встречались.

К нам приближается миниатюрная женщина средних лет, с бордовыми волосами, в классическом платье-сарафане и головном шарфе с синими птицами. Взгляд ее светло-зеленых глаз прикован ко мне.

– Здравствуйте! – Она приветливо улыбается.

– Приятно познакомиться, – отвечаю я, протягивая руку и пожимая мягкую прохладную ладонь.

Лицо заведующей кажется смутно знакомым.

– Взаимно.

– Благодарю вас за организацию мероприятия!

– Это Лора всем занималась.

Лора светится от удовольствия.

– Всегда рада помочь! Нечасто в наш городок переселяются известные писатели. Люди так взбудоражились, когда узнали о лекции. У нас аншлаг! – восклицает она, оглядываясь на ряды стульев.

Слушатели прибывают и прибывают.

Дверь библиотеки распахивается, в зал широким шагом входит Фиона, расстегивая на ходу пальто с высоким воротником. Она одета в черное, из макияжа – только яркое пятно покрашенных красной помадой губ, через плечо висит большая сумка на ремешке. Ее практичный современный образ резко контрастирует со старомодной обстановкой библиотеки. Сестра ищет меня взглядом среди собравшихся, наконец замечает, машет мне и пробирается через зал к нашему кружку. Мы целуемся, от нее пахнет кофе и круассанами.

– Знакомьтесь, Фиона, моя сестра, – представляю я ее Лоре и Мейв.

– Мы знакомы, – с улыбкой отвечает Мейв. – По книжному клубу.

– В этом месяце у тебя собираемся? – спрашивает Фиону Лора.

– Господи, точно! – охает она. – У меня. Но предупреждаю – шоколадных кексов с соленой карамелью в меню не будет. А вот вино рекой гарантирую.

– И в нее с удовольствием сойдет люд, – произносит Мейв.

Лора поворачивается ко мне.

– Эль, а вы состоите в книжном клубе?

– Нет.

Сестра как-то упоминала о клубе, однако присоединиться не предложила, а я и не обиделась – вне семьи мы всегда развлекались по отдельности.

– Вам обязательно надо вступить в клуб! – живо восклицает Лора, легонько подпрыгивая на пятках. – Настоящая писательница среди нас! Так здорово! В этом месяце мы обсуждаем «Тайную историю» Донны Тартт. Кажется, роман

читали все, кроме меня. Обязательно приходите! Буду очень рада! Все будут рады!

- Конечно, приходи, - поддерживает ее Фиона - непонятно только, искренне или нет.

- Ну, хорошо, - соглашаюсь я.

Я смотрю через плечо: зал полон. Люди, толкаясь, ищут свободное местечко, развешивают на спинках стульев зимние пальто, устраивают на коленях сумки. У авансены с блокнотами в руках сидят две молодые женщины и, склонив головы, тихо переговариваются. А ведь я буквально вчера сидела на их месте и, слушая выступления писателей, молила судьбу: «Прошу, пусть и в моей жизни настанет такой день - день встречи со своими читателями».

Мейв и Лора уходят раздать заявки на получение членства, мы с сестрой остаемся наедине.

- Билл приносит извинения, - говорит она. - Дрейк расхныкался, что хочет на пляж.

- Ничего страшного. - Фиона могла бы провести утро с семьей, а вместо этого приехала поддержать меня. Я благодарно сжимаю ее пальцы. - Спасибо, что зашла.

Она смотрит вниз.

- Ладони потеют?

- Нервы шалят.

Я для нее открытая книга. Своим долгим, пронизывающим взглядом она будто счищает с меня шелуху, проникая в недоступную другим глубину, в самую суть.

- Джульетта. Сэнди. Дева Мария. Почти во всех школьных спектаклях ты играла главные роли. Сцена тебя любит.

– Это было давно и неправда, – усмехаюсь я. – Тем более я перевоплощалась в другого человека – персонажа. И повторяла заученный текст сценария.

– Вот и сейчас перевоплотись. Ты – известная всему миру писательница, автор бестселлера. У тебя самый крутой дом в Корнуолле. Ты молода, красива и успешна. А главное – у тебя есть невероятная, офигительная сестра.

Я стою перед зеркалом в туалете библиотеки. Пытаюсь собраться, пока есть время. Шея горит, трясущимися пальцами я расстегиваю на рубашке еще одну пуговицу.

У меня все получится. Много раз я исполняла эту роль, выступая перед читателями в книжных турах, на литературных фестивалях, раздавая интервью...

Я быстро повторяю про себя начало речи. Расскажу вкратце о детских поездках в Корнуолл на каникулы. Странное темное облако, окутывающее мои двадцать с небольшим, тактично обойдем – перейду сразу к годам тридцати. Объясню, что внутри меня томилось смутное неудовлетворение, что я пробовала работать бариста, официанткой, секретарем, но ни одна из профессий не стала тем клапаном, через который можно выпустить бурлящий пар. Затем расскажу о путешествии с Флинном... Хм, стоит ли упоминать его имя? Пожалуй, нет. Не хватало еще раскиснуть на глазах у всех! Расскажу, как мы вернулись домой, сняли квартирку в самом сердце Бристоля – и тогда-то мою голову посетили мысли о писательстве.

«Знаешь, есть вечерний курс, – заговорил Флинн однажды в разгар ужина, когда мы с аппетитом, прямо из коробки, поедали заказанную пиццу. – Курс «Писательское мастерство». Начался на прошлой неделе. Ты пропустила только одно занятие. Мне попался на глаза флаер. Вот». Он сунул в руку листок с абстрактной картинкой: расправленное крыло на фоне голубого неба. Изображение венчала надпись, набранная изящным серым шрифтом: «Позволь воображению парить!» «Я подумал, – неуверенно сказал Флинн, – что мог бы подарить тебе этот курс на день рождения. Если интересно». Он недавно устроился на свою первую оплачиваемую работу арбористом и теперь каждый вечер возвращался домой в стружках на шерстяном свитере и перепачканных о древесную кору джинсах. «Ведет его женщина, – продолжил Флинн, – которая

сама написала пару книг. Можешь поискать о ней информацию».

После ужина я наполнила ванну, зажгла свечи и улеглась в теплую воду, покрытую тонкой пленкой эфирных масел. Во время нашего путешествия я выплескивала впечатления о поездке и интересных местах в дневник, с энтузиазмом исписывая страницу за страницей. Обычно это происходило на пляже или в глубине автофургона – сидя по-турецки, исполненная глубокого умиротворения, я скрипела карандашом по гладкой бумаге. Однако мне и в голову не приходило, что подобное увлечение перерастет в нечто большее.

Мир литературы принадлежал матери. Она работала помощником учителя, так как часы работы совпадали с графиком наших уроков в школе, но всегда заводила будильник пораньше, чтобы «выжать из мозга все самое лучшее» прежде, чем начнется рабочий день.

Несколько маминых коротких рассказов напечатали в журналах, правда, в ответ на вопрос Фионы, не хотелось ли ей стать писательницей, она сказала: «Я пишу не для печати. Я пишу, потому что не могу не писать».

«Согласна! – объявила я Флинну, выйдя из ванной прямо в полотенце и прошлепав мокрыми ногами по линолеуму. – Хочу прослушать писательский курс».

С того момента я жила от среды до среды. Мне безумно понравилась лектор – коротко стриженная рыжеволосая женщина лет пятидесяти, владелица обширной коллекции шейных платков с анималистическими принтами. Ее отличало сардоническое чувство юмора и умение заражать аудиторию страстью к словам. На занятия ходили студенты разных возрастов: двое недавно разведенных мужчин, пробующих себя на ниве приключенческих рассказов; выпускница отделения английского языка и литературы, похоронившая сестру-близнеца; трое друзей-пенсионеров, пахнущие тайскими специями и вином, так как перед каждым занятием они ужинали в соседнем кафе. И все мы каждую среду спешили вечером на лекцию, словно корабли на свет маяка.

Именно на этих курсах у меня зародилась идея первого романа. Не внезапно снизошедшее вдохновение – скорее просто картинка: пляж, две женщины у кромки моря; щурясь, они смотрят вдаль, их руки крепко сжаты. Стало интересно, что привлекло их внимание, поэтому я увеличила воображенную

картинку. Всплыли новые детали: два мальчика в море, оранжевая спасательная лодка, один доставлен на берег живой и невредимый, второй утонул.

Когда замысел, наконец, сформировался, я лихорадочно начала писать. Сюжетные линии и характеристики персонажей я заносила прямо в блокнот у служебного телефона на стойке приемной, где тогда работала секретарем. В обеденные перерывы я уходила писать на заднее сиденье автомобиля, опасаясь, что в комнате для персонала мне не дадут спокойно заниматься своим делом. По примеру матери я заводила утренний будильник на раннее время, чтобы посвятить его книге. В тот тихий рассветный час я парила за пределами нашей квартирki, давая волю воображению.

Постепенно, шаг за шагом, роман обретал форму. Он был рыхлый, сырой и, тем не менее, захватывающий – я чувствовала.

Писатели часто рассказывают о подписании договора на первую книгу. Это действительно волшебный миг, я тоже помню его в подробностях. На встречу с издателем, заинтересовавшимся романом, мы отправились вместе с литературным агентом. Томясь в ожидании в просторном холле приемной, я глазела на свисающую с потолка металлическую сферу – этакий диско-шар, не хватало только музыки и танцующих. На выбор достойного наряда я убила целое утро, но теперь желтая вельветовая юбка с вышивкой и зеленый шелковый топ казались мне ужасно провинциальными.

Стекающихся в холл посетителей досматривала на входе охрана. Ленты с гостевыми бейджами на шеях, сумки и портфели, проходящие через рентгеновский аппарат, – обстановка не имела ничего общего ни с книгами, ни с творчеством. Туда ли я попала? Я извлекла из кармана мамину перьевую авторучку, повертела ее, погладила пальцем истертый от долгого использования металлический кончик пера. В памяти всплыл образ матери: как она пишет этой ручкой, как наклоняет кисть, как скользит локтем по краю стола... В детстве меня завораживали пустые чернильные картриджи, мне нравилось смотреть на катающуюся внутри стеклянную бусинку, похожую на крошечный мышинный глаз.

И вот я сижу с ее ручкой в издательстве. Мама бы мной гордилась. Эль Филдинг, бывшая бариста, официантка, путешествующая бездельница, – и так далеко пошла! Написала роман, который заинтересовал издательство.

Наконец за нами спустилась ассистентка. Мы поднялись на лифте на двенадцатый этаж, и нас проводили через стеклянные двери в зал совещаний, откуда открывался вид на просторный офис без единой перегородки. Никогда в жизни я не видела, чтобы в одном месте работала такая толпа людей!

Спустя несколько минут в зал совещаний вошла женщина в простом синем платье и ботильонах с пачкой бумаг в руке.

– Эль, меня зовут Джейн, я одна из директоров издательства. Рада знакомству! – сказала она с приветственным поцелуем в щеку.

Джейн мгновенно меня к себе расположила. Такая искренняя, умная, обожает книги!

– Скажу сразу – в ваш роман я просто влюбилась! Персонажи как живые! Героиням даже захотелось позвонить, рука так и тянулась к телефону. Вы необычайно наблюдательны, у вас талант!

От похвалы я расцвела, расслабилась и сумела непринужденно рассказать о том, как придумала сюжет и почему финал романа именно такой, какой есть. Литературный агент ободряюще мне улыбалась: все идет отлично!

Джейн вкратце объяснила дальнейшие процессы, сообщив, что на этой неделе моя книга будет обсуждаться на совещании по приобретению прав.

– И мне зададут много вопросов, – сказала Джейн, – в том числе: какие еще задумки у вас есть.

На самом деле я выложились целиком – в романе, в героях. Душой я до сих пор была с ними, опасаясь, что, стоит мне отвлечься на другое, как они захлопнут дверь.

– Поделитесь со мной перед совещанием хоть чем-то, – продолжала она. – Даже если идеи совсем сырые! Это очень помогло бы. Хватит одной-двух... Мы всегда смотрим вперед – надо представлять, как преподнести на книжном рынке ваш бренд.

Книжный рынок, приобретение прав, бренд... От волнения голова пошла кругом. Именно тогда в душе проклюнулся росток надежды: может, это начало взлета?

И вот я стою в туалете библиотеки, вытирая о джинсы взмокшие ладони. Глубоко вдыхаю, расправляю плечи.

– Здравствуйте, я Эль Филдинг, – с улыбкой говорю я зеркалу, разглядывая отражение.

Какого автора ожидает увидеть аудитория? Успешную женщину чуть за тридцать. С блестящей карьерой. Уверенную. Собранную. Счастливую.

Похожа я на такую? Интересно... Наклоняюсь ближе, всматриваюсь в зрачки, обрамленные темной радужкой, от которой расходится паутинка красных сосудов.

Я моргаю. Исчезни!

– Здравствуйте, я Эль Филдинг, – повторяю уже громче и жизнерадостнее. – Очень приятно, что меня пригласили... – И умолкаю на полуслове.

Позади слышится шум сливающейся из бачка воды. Щелкает задвижка, из кабинки выходит Мейв.

Ее глаза встречаются с моими в зеркале.

Я застигнута врасплох.

– Разогреваюсь перед выступлением, – оправдывающимся тоном бормочу я.

Мейв направляется к раковине, подставляет бледные руки под струю холодной воды, закрывает кран запястьем и промокает ладони бумажными полотенцами.

– Повторение – мать учения.

Ранее

Пусть ты не дома, я все равно ощущаю твое присутствие.

Следы повсюду. Недавно к рукаву моей рубашки прицепился твой волос. Карамельного оттенка. Когда рассматривала его на свету, оказалось, что у корня серебрится седина – неожиданно!

Или вот смятый листок-стикер в мусорной корзине с выведенной ручкой надписью: «Сосредоточься! Никакого Интернета!» Мои губы невольно расплываются в улыбке: верно, творческая работа требует строгой самодисциплины. Какой же это стресс – писать к сроку вторую книгу, книгу-шедевр...

А мы ее с нетерпением ждем.

Я хорошо помню знакомство с твоим дебютным романом. Он сразил меня наповал. Восхищало все: красота, искусность повествования, живой темп. Чистый восторг. Читаешь – не оторвешься.

На форзаце моего экземпляра ты оставила аккуратный петлеобразный автограф и поцелуй.

Мне посчастливилось побывать на одной из презентаций: к столу змеилась длинная очередь, ты склоняла голову над каждой книгой, и волосы спадали через плечо. Ты улыбалась, болтала с читателями, спрашивала, как их зовут, кому адресовать посвящение...

И лишь вблизи мне стало заметно, как трясутся под столом твои ноги.

Глава 8

Эль

Главное в романе – правда: необходимо видеть правду и писать правду.

Писательница Эль Филдинг

– Рада представить вам, – начинает Лора, обращаясь к аудитории, – нашу местную писательницу Эль Филдинг. Ее дебютный роман разошелся тиражом более полумиллиона экземпляров и был переведен на двенадцать языков.

Мой взгляд блуждает по набитому слушателями залу. Заняты все места, вдобавок у двери столпились опоздавшие, перекрывая выход.

Спокойно. Дышим ровно и улыбаемся.

Я пробегаю глазами лица в толпе... и сердце уходит в пятки: в первом ряду сидит Марк собственной персоной! Нога закинута на ногу, рука переброшена через спинку стула.

Какого черта он здесь делает?!

Я быстро отвожу взгляд.

– Однако Эль не только автор бестселлера! – продолжает речь Лора. – Если вы подпишетесь на ее страничку в «Фейсбуке», то узнаете, что она заядлый пловец и великолепный дизайнер интерьеров. Предупреждаю: рассматривание фотографий чревато воспалением зависти.

По залу пробегает смешок. На Марка и смотреть не надо – представляю его ухмылку.

– Если среди вас есть начинающие писатели... вроде меня, – хихикнув, добавляет Лора, – советую не пропускать видеотрансляции в «Фейсбуке» – раз в неделю Эль делится полезными литературными советами. – Она переводит дух. – Итак, не стану затягивать свою восторженную речь. Аплодисменты чудесной, невероятно талантливой Эль Филдинг!

Я выхожу и, поблагодарив Лору кивком, усаживаюсь за столик: передо мной мой роман и графин с водой. Аплодисменты стихают, пора доставать конспекты...

Конспектов нет.

Жаркой волной меня захлестывает паника.

Натянуто улыбаясь, я лихорадочно пролистываю страницы книги. Заметки лежали под обложкой, я проверяла сразу после прихода в библиотеку.

Кажется, что сердце стучит прямо о ребра. Без конспектов мне не справиться...

– Секундочку, – говорю я и, наклонившись, заглядываю под стол: вдруг листки выскользнули из книги на пол? Пусто.

Проверяю сумку. В сумке тоже ничего.

Я почти физически чувствую, как все тарашатся мне в спину.

Когда я клала роман на стол, конспекты были на месте – это точно. Значит, их кто-то взял.

Я встаю из-за стола и смотрю в зал.

Неужели мои записи вытащили?

– Похоже, мои конспекты исчезли.

Марк с улыбкой глядит мне в глаза.

– Это вы их взяли? – Слова вырываются прежде, чем я успеваю прикусить язык.

Все внимание переключается на Марка.

Он недоуменно разводит руками.

– Конечно, нет.

Кто-то громко откашливается. Я оборачиваюсь на звук. Лора. Она вертит в руках подвеску ожерелья и слегка мне кивает, будто говоря: «Продолжай».

– Ладно, кому нужны эти записи? – роняю я как можно небрежнее, но, судя по выражениям лиц слушателей, выходит не очень.

Спокойно. Улыбаемся. Говорим размеренно.

Надо взять себя в руки. Выиграть хоть минутку на обдумывание.

– Откуда черпать вдохновение? – адресую я вопрос в зал.

На меня озадаченно смотрит пара сотен глаз. Наверное, не хватает контекста. Меня бросает в пот.

– Я... мне хотелось бы обсудить, откуда берутся сюжетные линии... и как их превращают в роман. Так откуда, по-вашему, авторы... или художники... или музыканты... или другие творческие люди черпают идеи?

По залу пробегает шепоток, будто слушатели обдумывают ответ. В первых рядах мгновенно взмывает рука. Тут и гадать не надо – Марк. Я медлю, ожидая, что руку поднимет кто-нибудь еще, но в конце концов вынуждена сказать:

– Слушаю вас.

– Из морского пейзажа за окном. – Толпа в предвкушении оживляется, а Марк неторопливо холодным тоном продолжает: – Я читал, что морские пейзажи развивают творческое мышление. И вообще вид моря положительно влияет на здоровье.

Я бормочу в ответ что-то невнятное. Сама даже не знаю что. Мне не хватает воздуха. Где же дверь? К несчастью, выход перекрыт группой слушателей в конце зала. Удушье усиливается, горло сводит спазм. Я задыхаюсь.

Все смотрят на меня, ждут каких-то слов – ведь перед ними Эль Филдинг, автор бестселлера. Однако я онемела. Успешная женщина испарилась.

– Возможно, – раздаётся голос из зала, – вдохновляют окружающие нас люди.

Фиона.

– Например, обрывок случайно услышанного разговора, – предполагает она, пытаюсь меня спасти, – или занятая история, которую рассказал знакомый.

– Точно. – Я хватаюсь за мысль, как утопающий за соломинку, и снова нащупываю почву под ногами. – Вы абсолютно правы. Это похоже на искру. Сегодня я расскажу, что вдохновило меня на написание дебютного романа, а для начала зачитаю отрывок из книги.

Знакомый ритм слов возвращает голосу уверенность, меня больше не трясет. Я стараюсь говорить размеренно, контролируя дыхание. У меня все получится. Я выступала десятки раз в гораздо большей аудитории.

И я справляюсь: колени не дрожат, речь внятная, спина прямая. Слава богу, выступление наладилось. Внезапно взгляд упирается в пометку – слово на странице обведено красной ручкой.

Когда я это сделала? Зачем? Не помню. Я вообще никогда не пишу в книгах – печатные страницы для меня священны.

Я торопливо дочитываю последние строки, а мысли крутятся вокруг непонятно зачем обведенного слова.

«Ты».

Беседа продолжается. То плавно, то резко я перехожу от одной темы к другой, делая паузы, только чтобы набрать в грудь воздуха. Адреналин гонит меня вперед, плечи напряжены, шея окостенела.

Венчает лекцию короткий раунд вопросов и ответов. Вопросов мало – похоже, аудитория чувствует, до чего мне хочется отсюда сбежать. По завершении встречи к столику выстраивается небольшая очередь желающих получить автограф, затем следует обмен любезностями с персоналом библиотеки,

благодарности, прощания и наконец – наконец-то! – свобода.

Свежий осенний воздух обжигает кожу, спину холодит липкая, влажная рубашка. Автомобиль припаркован у обочины, под тополями, рядом окаймляющими дорогу. Когда я достаю из сумки ключи, передо мной возникает Фиона с сигаретой в руке.

– Затянешься?

Я молча киваю и, прислонившись к машине, глубоким вдохом наполняю легкие дымом. Сто лет не курила одну сигарету на двоих. Никотин бьет в голову.

– У кого стрельнула?

Сестра с загадочным видом прижимает к губам указательный палец: не скажу.

Я затягиваюсь еще раз и возвращаю сигарету.

– Не хочешь как-нибудь тактично прокомментировать мое выступление? Например, «не могу не отметить ряд удачных находок в твоей речи – главное было нащупать почву под ногами».

– А надо?

Я тяжело вздыхаю.

– Что мне надо, так это выпить...

– Не переживай, все не настолько плохо, как тебе кажется.

– Слава богу, ты пришла на выручку. Спасибо!

– А что стряслось с твоими конспектами?

– Я сложила бумаги под обложку романа и оставила на столе. А их кто-то вытащил.

Фиона приподнимает бровь.

– Кто-то вроде того мужчины в первом ряду? На которого ты напустилась с обвинениями.

– Я не напускалась с обвинениями! Просто спросила. Это Марк, сын Фрэнка и Энид.

– А! Опрокидыватель мусорных баков...

Она будто меня поддразнивает, но я пока не пойму, ободряет это или, наоборот, раздражает.

– Я глазам не поверила! Уселся в первом ряду. Невероятная наглость! Вот уж он вдоволь пораздовался, когда я стояла на сцене ни жива ни мертва.

– Возможно, ему искренне было интересно тебя послушать.

– Нет в нем ничего искреннего! – фыркаю я.

– Легок на помине... – говорит Фиона, кивая в сторону.

К нам приближается Марк, его взгляд прикован ко мне.

Сестра приглаживает растрепанные ветром волосы.

– Увлекательное было выступление в библиотеке, – произносит он без тени улыбки.

– Не знала, что вы следите за моим творчеством, – холодным тоном светски отвечаю я.

– Но ведь надо участвовать в жизни местного сообщества, поддерживать своих, правда?

– Вы, кажется, живете в Лондоне?

– Мой дом здесь. – Повисает пауза. Марк поворачивается к сестре, протягивает ей руку. – Меня зовут Марк, живу по соседству с Эль.

Она зажимает сигарету губами и отвечает на приветствие, касаясь его ладони.

– Фиона.

Уголки его рта едва заметно изгибаются в улыбке.

– Не нашли свои записи? – Он снова обращается ко мне.

– Это ведь вы их взяли? – прямо говорю я.

Он хохочет, слегка перекатываясь на пятки.

– К сожалению, не додумался. Пришлось попотеть, да?

Марк, прощаясь, машет рукой и неторопливо уходит.

– Козел, – тихо бормочу я.

– Хотя и не лишен некоторой привлекательности, – замечает Фиона, бросая сигарету на тротуар и растирая ее каблуком ботинка. – Ладно, пойду-ка я, наверное, к моим мальчикам.

Сестра возвращается к семье... Я ощущаю укол зависти, как ни стараюсь подавить это чувство.

– Хороших выходных! – желаю я Фионе и, искупая вину за недостойные мысли, целую ее с особой нежностью.

Едва я усаживаюсь на водительское сиденье, как слышу хруст – хруст бумаги в заднем кармане джинсов.

Мои конспекты.

Я выкладываю теплые смятые листы на колени. К лицу приливает кровь: наверное, я взяла их с собой в туалет, чтобы просмотреть перед выступлением.

В отчаянии упираюсь лбом в холодный руль, и клаксон, словно длинный восклицательный знак, издает пронзительный гудок.

Я открываю входную дверь и замираю на пороге. Чутье подсказывает – что-то не то. В доме явно стало холоднее. Меня обдает тянущийся из глубины комнат сквозняк.

Не снимая пальто, я иду по коридору, противно сосет под ложечкой. Сейчас обед, около двух часов, но дневной свет поглотили затянувшие небо тучи.

Я останавливаюсь перед гостиной, осторожно прислушиваюсь. Изнутри доносится глухой шорох, щиколотки овеивает сочащийся из-под двери ветер. Превозмогая естественное желание убежать, я распахиваю дверь. Мои движения скорее судорожные, чем решительные – я почти готова к нападению взломщика.

В гостиной ледяной холод. Кружит ветер; цепляясь за подоконник, трепещут шторы; стоявшие на каминной полке открытки разметало по полу. С порога сразу видно, что распахнута форточка.

Перед уходом я всегда педантично проверяю, все ли заперто, однако сегодняшним утром из-за бессонной ночи почти ничего не соображала. Наверное, задвижка была плохо пригнана и ветер с моря распахнул створку.

Нехотя подхожу к окну и закрываю форточку как следует. Еще с минуту я продолжаю прислушиваться к звукам в доме. Слышен только гулкой стук моего сердца. И тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://telnovel.com/lyusi-klark/moy-chuzhoy-dom>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)